

ЭЛЕАДА

Повесть

1

Эля проснулся, когда утро было уже в разгаре. Встал, раздвинув шторы, открыл окно в сад. После затяжной, холодной весны наконец наступило лето. Из зелени сада доносилось щебетание птиц, день обещал быть солнечным.

- Соня, ты здесь? - спросил он заходя на кухню.

Сони на кухне не было. Поставив чайник на плиту, выглянул в коридор.

- Соня, чай пить будешь? - спросил он громче.

В доме стояла тишина.

- Где же она?

Эля недоуменно пожал плечами. Подойдя к буфету за чашками, глянул на отрывной календарь висевший на стенке рядом.

- Что у нас сегодня? По-моему, среда...

Эля оторвал листок за вчерашний день.

- Ну да, она же в среду с утра к врачу собиралась, и как я забыл, память совсем короткая стала!

Он уже хотел было выбросить листок, но почему-то передумал.

- Зачем же так сразу в мусорное ведро - ведь это целый день жизни... и совсем неплохой день... вот в Ленинград вчера звонил из нашего придворного телефона-автомата... так Танечка его называет... потому что совсем рядом с домом поставили... с Лидой разговаривал... порадовала... в новую квартиру в воскресенье переезжают... хорошо... там им просторнее будет... вещи собирают... потом Юзику на работу позвонил... долго разговаривали... не каждый день такое бывает... в это воскресенье будет помогать Лиде с переездом... обещал приехать с семьей на следующие выходные... если сможет... занят он... занят... я понимаю... хорошо хоть Танюша живет рядом... внучата вчера забегали... младшая на нее в детстве похожа... как две капли воды...

Наконец чайник закипел, засвистел протяжно, как гудок паровоза. Эля, положив листок в карман, улыбнулся:

- Ваш выход, Анна Каренина!

И, побряхтев, иногда он себе это позволял, когда был один, встал с дивана, что стоял на кухне у окна. Попив чаю, как обычно, вприкуску с конфетами подушечками, вышел во двор. Если погода позволяла, любил он посидеть на скамейке у дома, покурить, подумать.

- А жизнь-то и состоит из прожитых дней... и дней, что нам еще отмеряны... там... наверное...

Эля поднял голову - по небу безмолвно проплывали белые облака.

- И вот сегодняшнего... и, дай бог, завтрашнего... и зачем время так быстро бежит?

Он задумчиво провел рукой по скамье, которую смастерил еще тогда, когда дом строил.

- И когда это было? Лет двадцать пять тому назад... Ну да, точно... двадцать пять лет уже...

Тогда, в сорок пятом, сразу после окончания войны, Эля твердо решил, что его дети должны получить образование. Приехав с сыном и двумя дочерьми в этот маленький городок под Ленинградом, он сразу начал строить дом. Помогали ему два местных мужика, строили по вечерам после работы да по выходным.

- Я все хотел спросить, - как-то сказал один из мужиков, когда они перекуривали, - а зачем тебе такой большой дом?

- Так у меня же трое детей!

Второй мужик хмыкнул:

- И залу какую отгрохал, ты че там танцы устраивать собираешься?!

- Танцы-не-танцы, а девки замуж выйдут, сын женится, внуки пойдут.

- Так оно так, но чудак-человек, они же все равно разъедутся, и на фига тебе тогда такая большая кухня, - недоуменно пожал плечами мужик, который начал разговор.

- А кухня и должна быть большая, чтоб вся семья там собиралась, так теплее.

- Ну да, там же печка, - рассмеялись они.

- Душе там теплее, мужики, вот что, - сказал Эля задумчиво.

Отгоняя от себя неожиданно нахлынувшие воспоминания о довоенной жизни, когда еще жива была Полина, безнадежно махнул рукой.

- Пошли стенку заканчивать, еще чуть-чуть осталось.

Уже совсем стемнело, Эля устало опустил молоток.

- Все, мужики, шабаш!

- Пожалуй что хватит на сегодня, всем на работу с утра.

- Спасибо, мужики!

- Да чего ты, Эля, все нормально!

Не имея никакой городской специальности, Эля работал на заводе простым рабочим. Его старшие дети Юзик и Таня учились в Ленинграде, младшая, Лидочка, была тогда еще школьницей и жила с папой дома.

Было 31 декабря 1949 года. Отработав смену, Эля вышел с завода и, по дороге домой, решил зайти в гастроном купить что-нибудь к новогоднему столу. В магазине было полно народу, выбравшись наконец с покупками из очереди, весь в своих мыслях, Эля заторопился к выходу. У самой двери услышал тихий женский голос.

- С наступающим Новым годом!

Подняв глаза, увидел Соню, лаборантку с их завода. Она часто приходила к ним в цех по работе, иногда они разговаривали. Эля знал об этой приятной молодой женщине, на вид лет тридцати пяти, совсем немного – что в блокаду она была в Ленинграде и переехала сюда сразу после войны. С тех пор работает на заводе, живет при заводской лаборатории в маленькой комнате, которую когда-то, по распоряжению директора, переделали для нее из подсобки.

- С наступающим, Соня, всего Вам хорошего в Новом году!

Соня грустно посмотрела на Элю.

- Почему Вы расстроились, - спросил он увидев слезы в ее глазах, - я что-то не то сказал?

Не зная, как ее успокоить, Эля погладил ее по плечу. Нагруженные покупками, люди торопливо обходили их.

- Что произошло, почему Вы плачете?

Найдя наконец в кармане своего пальто носовой платок, Соня вытирала слезы.

- Вы, наверное, знаете, Кирилл Спиридонович, ну, наш старый завлаб, ушел на пенсию.

- Слышал, - кивнул Эля.

- Так вот, - вздохнула она, - новый вызвал меня сегодня и сказал, что второго января комната должна быть свободна.

У Эли на скулах заходили желваки.

- Пошли, Соня!

Он взял ее за руку как маленькую девочку и решительно вышел из магазина.

- Куда мы идем? - удивленно посмотрела на Элю Соня.

- У Вас много вещей?

- Один чемоданчик, - растерянно ответила она.

- Вот и замечательно, значит к Вам.

Не задавая больше никаких вопросов, Соня послушно семенила за быстро идущим Элей.

Увидев Сонину комнату, похожую больше на кладовку, чем на жилье, он в сердцах сказал:

- Ну и дерьмо!

Соня удивленно посмотрела на него.

- Да завлаб Ваш дерьмо! Собирайтесь!

- Куда?

- Для начала – отсюда!

- А потом? - спросила Соня безнадежным голосом.

- Ну не будете же Вы жить там, откуда Вас выгоняют!

Сонины глаза опять наполнились слезами.

- Я, наверное, сейчас грубо разговариваю с Вами, простите. Будете жить пока у нас с Лидочкой, это моя младшая дочка, а потом - как решите.

Подхватив чемодан и свою авоську, Эля вышел с Соней на улицу, по дороге он рассказал ей немного о себе. Когда они пришли, Юзик с Таней были уже дома.

- Папа, ты где был так поздно?

- В магазине, - ответил он ставя чемодан у порога.

- Соня, проходите!

Соня остановилась у двери. Три пары удивленных глаз внимательно смотрели на нее.

- Это тетя Соня, она будет жить у нас, - сказал Эля детям.

Так и осталась Соня у них. Хозяйство вела тихо и незаметно, приходила с работы и все время что-то делала по дому или возилась на огороде. Готовила Соня всегда много и все беспокоилась, чтобы никто не остался голодным. Юзик называл ее гостеприимство непререкаемым, и если кто-нибудь шутил над ней по этому поводу, она напроочь теряла чувство юмора и готова была вот-вот расплакаться.

Было начало шестидесятых...

Как-то в разгар лета, в пятницу после работы, неожиданно приехал Юзик из Ленинграда.

- Здравствуйте, тетя Соня, - сказал он заходя в дом и обнимая ее. - М-м-м, как вкусно пахнет!

- Проголодался, миленький, сейчас-сейчас, - засуетилась тетя Соня и, вздохнув, посмотрела на часы. - Скоро обедать будем, вот только папу с Таней дождемся.

- А где они?

- Таня в магазин побежала, а папа с работы скоро вернется.

- С работы, с какой работы?! - спросил Юзик удивленно.

В это время вошла Таня с нагруженными авоськами.

- Юзька, - радостно воскликнула она.

- Привет, Танюшка!

Юзик встал с дивана, чтобы помочь сестре.

- Ты давно приехал?

- Да нет, минут пятнадцать тому назад.

- А я в магазине задержалась, там такая очередь была за докторской, килограмм купила, больше в одни руки не давали, - говорила Таня доставая свертки из авоськи.

- А я думаю, чего ты так долго, ведь только за хлебом побежала. Ну вот и хорошо, что купила, утром к чаю на бутерброды будет, - говорила тетя Соня пробуя суп на вкус.

- Соли немного добавить, что ли?

И тут же спохватилась.

- Таня, помой Юзику яблочко.

- Сейчас, я только колбасу в холодильник положу.

- Тетя Соня, ну Вы прямо многостаночница, - улыбнулся Юзик глядя как она ловко что-то помешивает в кастрюлях, переворачивает на сковородках на всех четырех комфорках одновременно.

- На, Юзька!

Таня протянула ему большое красное яблоко.

- Это у вас в магазине такие продаются?

- Ну что ты, Юзик, где ты в магазине такие найдешь, конечно, из нашего сада.

Представляешь, с прошлогоднего урожая так хорошо сохранились.

Юзик, думая о чем-то, откусил яблоко.

- Слушай, Таня, тетя Соня сказала мне, что папа работает. Чего это вдруг, он же уже на пенсии.

Юзик положил яблоко на стол.

- И где же он работает?

- Ой, Юзик, не спрашивай, старьевщиком, - ответила Таня вздохнув.

- Ну дела, сын начальником, а папа старьевщиком! Ему что денег не хватает на жизнь?!

Почему ты мне не сказала?

В голосе его проскользнули нотки досады и раздражения.

- Да хватает мне денег, не переживай, Юзик, дело не в этом!

За разговором они и не заметили как вошел отец.

- Тогда я чего-то не понимаю!

- Да, похоже, - кладя на стол кулек из плотной серой бумаги, улыбнулся Эля.

- Папа, ну зачем ты опять купил, у нас же есть, мы еще те не съели!

- Ну и что, что есть, будем пить чай с конфетами, пусть будут. Сама же просила тогда:

«Папка, а ты купишь нам конфет - много-много?», я не забыл, - пробурчал себе под нос Эля и вышел во двор.

- Чего это он разворчался? - спросил Юзик.

- Да подушечки опять купил, - ответила Таня доставая из буфета тарелки. - Правда красивые? Лидуся мне на день рождения целый сервиз подарила!

Юзик, пожав плечами и улыбнувшись, в качестве извинения, молча кивнул головой.

- Ну что с тебя взять, Юзька, все вы, мужики, одинаковые! Как можно такую красоту не видеть, - говорила брату Таня накрывая на стол.

- Соня, мы скоро обедать будем? - спросил Эля вернувшись.

- Сейчас-сейчас, еще минуточку!

- Ладно, подождем еще минуточку, - улыбнулся Эля садясь за стол.

- А ты почему один? - спросил он Юзика.

- Я отправил Лину с детьми на юг.

- Понятно! Ты садись, вот Соня уже суп несет, небось проголодался.

- Конечно, проголодался, он же с работы, целый день ничего не ел, - говорила тетя Соня ставя перед Юзиком тарелку с супом.

Он улыбнулся:

- Тетя Соня, да Вы не волнуйтесь, это не беда, с голоду я не умру.

Тетя Соня, сказав только «Ты ешь-ешь!», быстро вышла из кухни.

- Ты куда, Соня? - спросил Эля вдогонку.

- В погреб, - ответила она первое, что пришло в голову.

Соня стояла посреди погреба сама не зная зачем пришла сюда. Горло сдушили спазмы, слезы рвались наружу. Иногда она так явственно ощущала, почти физически чувствовала маленькое, изможденное, холодеющее тельце своего сыночка, которого она беспомощно прижимала к себе. Он так и умер у нее на руках в ту голодную блокадную зиму. Это воспоминание жило в ней до сих пор, и она ничего не могла с ним поделать. Соня никогда об этом не говорила, оберегала ставших дорогими и близкими ей людей, которым эта война принесла и свое непоправимое горе.

- Соня, что ты все бегаешь, почему не садишься? - спросил Эля, когда она вернулась.

- Сейчас сяду, я тут огурчиков малосольных принесла, может, кто захочет. Вы суп уже доели? У меня есть еще котлетки с картошечкой. Таня, достань из холодильника салатик.

Тетя Соня, как всегда, говорила о еде в ласкательно-уменьшительной форме.

- Тетя Соня, больше не надо, этого и так много!

- Ешьте на здоровье, - говорила она беспрекословным тоном.

- С тетей Соней надо держать ухо востро, потеряешь бдительность - закормит, - рассмеялась Таня и, повернувшись к брату, спросила:

- Так чего ты, Юзька, на юг не поехал со своими?

- Решил провести отпуск с вами, - ответил он налегая на котлеты.

- Юзик, дома все в порядке?

Эля пристально посмотрел на сына.

- Да все в порядке, папа, - рассмеялся Юзик. - Мы объект заканчиваем, я и к вам вот еле вырвался на денек, а об отпуске и речи быть не может. Так пусть хоть пацаны погреваются на солнышке, в море покупаются.

Эля слушал сына не перебивая.

«И когда он успел так повзрослеть? Вот уже и солидность пробивается, как усы у юнца, и седина кое-где появилась...»

- Папа!

- Да, Юзик.

- Папа, давай договоримся.

- О чем?

- Ну, если тебе нужны будут деньги, ты мне скажешь, пожалуйста, папа!

«Ох уж эти дети, - вздохнул про себя Эля, - уже взрослые, а все равно ничего не понимают!»

- Спасибо, Юзик, я пенсию получаю, мне хватает.

- Зачем же ты тогда работаешь старьевщиком?

- Стараюсь помочь людям, - спокойно ответил Эля.

- Чем? Чем ты им помогаешь, тем, что их старье на помойку выносишь?

- Ты не о тех людях говоришь, - сказал Эля вставая из-за стола. - Давай поговорим завтра, я устал сегодня почему-то, хочу прилечь.

- Ну вот, и я об этом же, зачем тебе работать, если ты так устаеть!
Эля ничего не ответил и ушел в свою комнату. Тетя Соня, закончив мыть посуду, подседа к Юзику и, расспросив его о детях, о Лине, тоже пошла отдыхать. Юзик с Таней остались вдвоем на кухне.

- Танюша, пошли во двор, курить охота.

Был тихий летний вечер, уже взошла луна и деревья, освещенные ее бледным сиянием, отбрасывали длинные тени, создавая причудливые картины на земле.

- Хорошо-то как!

Юзик сидел положив руки на спинку скамьи.

- Оказывается, луна на небе еще есть, - задрал голову, рассмеялся он. – Да-а, давно я так не сидел.

С Димкой-то у тебя как, сидите под луной хоть иногда? – спросил Юзик приобняв сестру за плечи.

Таня собиралась замуж, скоро должна была быть свадьба. Это был ее второй брак, с первым мужем они прожили несколько лет и разошлись, детей у них не было.

- Как тебе сказать, Юзька, хотелось бы почаще, но Дима у нас человек обстоятельный, любит порассуждать о жизни лежа дома на диване.

- Хорошо твоему Димке – пока, - рассмеялся Юзик.

- А тут не успеешь переступить порог, - он безнадежно махнул рукой. – Каждый день что-нибудь происходит. То младший сдачи дал кому-то так, что нос расквасил, то старший соседское окно нечаянно разбил футбольным мячом, а потом наоборот – младший что-нибудь разбил, старший фингал кому-то поставил.

- Сам же учил, наверное, что мужчина должен быть сильным и должен уметь за себя постоять.

- Конечно, должен, но не с такой же интенсивностью!

- Юзик, ну чего ты хочешь, это же мальчишки, - рассмеялась Таня.

- Ну да, - Юзик, вздохнув, кивнул головой. – Выслушаешь все, усадишь пацанов, поговоришь с ними, вроде все поняли.

- Что, до следующего раза?

- Естественно!

Юзик закурил, Таня смотрела на него молча.

- Ну чего ты на меня так смотришь?

- Да нет, просто так, ты рассказывай-рассказывай.

- А рассказывать особенно и нечего, настолько все тривиально. Ну наконец поужинаешь, только приляжешь на диван новости посмотреть по телевизору, а тут местные новости: «Юзик, им опять нужно ботинки покупать! Опять? Опять! И из штанов они уже выросли! Так купи им!». И начинается, что меня ничего не интересует и так далее и тому подобное, выпьешь рюмку водки и спать завалишься, - он помолчал. - Так что тут не до лирики под луной, моя дорогая сестричка.

- Но это же жизнь, Юзик.

- И ты туда же!

- Юзька, ну расслабься хоть сейчас, - Таня погладила брата по руке.

- С нашим папой?! С ним стало так трудно разговаривать в последнее время. Ну надо же, в старьевщики пошел, не могу успокоиться!

- Я его тоже не всегда понимаю, но, может быть, дело не в нем, а в нас.

- Таня, да он просто упрямый и переубедить его в чем-то совершенно невозможно.

- А ты знаешь сколько людей другого мнения о нем? Чего смотришь на меня так, сам завтра увидишь.

- Что ты имеешь ввиду?

- А то, что наш папа рабаи.

- Рабаи?..

- Ну да, на общественных началах.

- Ну и ну!

- Да, да, братик, и с каким уважением его слушают, советуются с ним, я сама вижу это каждую субботу.

- Синагога на дому, так сказать. И ты туда тоже ходишь?

- Нет, - покачала головой она, - я просто иногда, когда окна открыты, со двора слышу о чем они говорят. И ты знаешь, Юзик, по-моему, это не так уж и плохо.

- Может и не плохо, как ты говоришь, но я ничего полезного в бесплодных разговорах о царстве небесном не вижу.

- Да нет, Юзик, это не проповеди, скорее, беседы, которые заставляют людей задуматься о жизни, о себе, о своих поступках. И что же тут плохого?

- Хорошо, Таня, согласен! Ну, а старьевщиком зачем?

- А он раздаст потом все, как ты называешь, старье бедным людям. Вот так, Юзик! С одной стороны, я иногда злюсь на папу за все это, а с другой стороны, и не за что, вроде.

Юзик помолчал, выкурил сигарету.

- А он не может объяснить мне все это нормально, а не загадками? Или он полагает, если я его сын, я должен уметь читать его мысли?

- Нет, - улыбнулась Таня, - наверное, он думает, что мы должны думать так же, как и он. А вообще, Юзька, иди поспи, отдохни, ты выглядишь очень уставшим.

С тех пор прошло более десяти лет. Таня с Димой и двумя дочками жили в городке, в пяти минутах ходьбы от Элиного дома, Юзик с Лидочкой в Ленинграде, она вышла замуж, растила троих детей, сыновья Юзика уже учились в институте, Чаще всех приезжал из Ленинграда младший сын Юзика Валера.

Как-то вечером, уже осень была, Эля сидел на кухне, пил чай, зашел Валера.

- Ты чего так поздно? - спросил Эля обнимая внука.

- Соскучился я, деда.

- Ну садись, раз соскучился, будем пить чай вместе, - говорил довольный Эля. - Как жизнь, что нового?

- Да все хорошо, деда, вот женюсь!

- Да-а, - удивился Эля, - и на ком же?

- На девушке, с которой я вместе учусь в институте.

- Я думаю, скорее всего, на той девушке, с которой ты приезжал когда-то.

Валера кивнул головой.

- Помню ее, такая разговорчивая, все о себе говорила, - сказал Эля доливая себе чаю. - Тебе налить еще?

- Нет, деда, спасибо. Так что, говоришь, она тебе не нравится?

- Почему ты так решил? - спросил Эля улынувшись.

- По твоему тону, деда.

- Я тебе ничего не сказал, просто я говорю о том, что запомнилось мне больше всего, - уклончиво ответил Эля.

Они молча пили чай.

- Так ты приедешь на свадьбу? - спросил Валера отодвигая пустую чашку.

- На свадьбу... приеду, - закончив пить чай, сказал Эля. - А ты вот созрел для женитьбы или обстоятельства?

Валера посмотрел на деда, тот только улыбался.

- Деда...

Эля, рассмеявшись, перебил его:

- А я ведь действительно собирался сказать тебе, что у меня все было иначе, впрочем, - вздохнул он, - и время тогда было другое.

2

Эля родился в Беларуссии, в деревне недалеко от границы с Царством Польским. Когда произошла революция в семнадцатом году, ему девятнадцать было. Ни в каких агитационных кружках до революции, и потом, в этом бурлящем водовороте он не участвовал, на митинги не ходил, с красным флагом и лозунгами по деревне не бегал, как это делала молодежь из батрацких семей.

Эле уже двадцать один был, как-то вечером после ужина отец сказал ему:

- Пришло время самостоятельную жизнь начинать, я хотел сказать, жениться тебе пора.

Эля ничего не ответил, только плечами пожал.

- Так вот, - продолжал отец, - у нас в деревне сейчас две невесты на выданье – Белла и Полина.

Отец закурил.

- Ну вот, я и решил...

Эля аж содрогнулся, представив Беллу своей женой.

- Нет, только не Белла! Полина, - вырвалось у него.

И от свершившегося он весь внутренне сжался - в их доме никто никогда не перебивал отца. Отец посмотрел на Элю и неожиданно улыбнулся, Эля облегченно вздохнул. Полина давно нравилась ему, они ходили с ней на речку, сидели на крутом берегу, целовались.

- Элочка, к нам приходил старый Цигель, и мой отец дал согласие, - шептала Полина счастливым голосом.

Эля вернулся домой в тот вечер поздно, тихо открыл окно и по привычке перепрыгнул через подоконник.

- Ну что ты лазишь через окно как пацан, – неожиданно раздался в темноте голос отца.

Эля остановился как вкопанный.

- Свадьба у тебя скоро, дом строить надо, - сказал отец и вышел из комнаты.

Тем летом Эля трудился от зари до зари, и к осени дом был готов. Мама хотела, чтобы свадьба была по всем правилам и обычаям.

- Дора, ты с ума сошла! Ты хочешь, чтобы прибежали эти оголтелые, ну которые с красными флагами, и все испортили? Еще дом сожгут!

Дора, глянув на мужа, в испуге зажала рот рукой. Хупы на свадьбе не было, но рабаи молитву прочел, благославил молодоженов.

Через год у них родился первенец - сын, потом еще мальчик и девочка. Несмотря на трудное, голодное время у Полины всегда было что дать поесть детям и мужу - то латкес, то похлебка чечевичная, то еще что-нибудь. Она все время хлопотала по дому, что-то штопала, латала, перешивала, копалась на огороде. Эля возвращался с поля уставший, но в глубине души гордился, что у него есть семья, дом, и от этой мысли он чувствовал себя в этой жизни увереннее.

Уже после гражданской войны, неожиданно, один за другим стали умирать их дети, чуть ли не в один год все трое. Деревенский доктор и самому себе не мог объяснить почему и, только беспомощно разводя руками, смотрел на Полину полными сострадания глазами.

Пусто стало в доме, тихо. Полина осунулась, ссутулилась, хоть и молодая была еще. Эля уходил еще затемно, возвращался поздно, ел и ложился спать. Обнимая худые плечи жены, целовал в висок и отворачивал голову, чтобы она не заметила скатившуюся на подушку слезу.

Прошло около года. Полина немного поправилась, округлилась, Эля тихо радовался за жену. Впервые за долгое время Полина улыбнулась и, посмотрев на мужа, сказала:

- Я, кажется, беременная, Эля.

- Слава богу, – обрадовался он.

У них родился мальчик, жизнь в доме постепенно налаживалась. Юзик был уже первоклассником, когда у него появилась сестричка. В трехлетнем возрасте она начала болеть, у Полины аж сердце сжалось.

- Доктор, Танечка, дочка наша, болеет, тогда тоже так начиналось. Помните?

- Помню, Полина. Я думаю, ей климат нужно менять, другого ничего не вижу, - сказал он после осмотра.

Полина с Элей собрали самое необходимое, оставив все, вроде вернуться через неделю, закрыли дом и уехали. Ехать решили, по совету доктора, на юг Украины, климат там, по его мнению, был для Тани намного лучше, чем в Беларуси.

Коллективизация была в разгаре и, проезжая украинские села, Эля интересовался у местных где уже есть колхозы.

- Так всюду!

- Ну и как?

Мужики, глянув по сторонам, с сомнением отвечали:

- Поезжай в соседнюю деревню, может, там лучше.

И Эля ехал дальше. Как-то, дело уже под вечер было, остановился он в каком-то селе, подошли двое мужиков, разговорились, ответ на Элин вопрос был тот же – «Может, где-то оно и лучше...»

- Мужики, нам бы переночевать где-нибудь, - сказал Эля задумавшись.

Глянув на Полину, устало опустившую руки на колени так и не выпустив вожжи, на детей, что дремали в телеге прислонившись друг к другу, один из мужиков сказал:

- Можно у меня, места хватит.

- Хозяйка не заругается? - улыбнулся Эля.

- Нет, - ответил угрюмо мужик, - нету у меня никого...

Эля посмотрел на него.

- Один я остался, жена и дети померли прошлой зимой от голода.

Эля не мог найти нужных слов, и были ли вообще нужны какие-то слова, так и шли они молча рядом с Элиной телегой.

- Заезжай сюда, - сказал мужик Полине, которая правила лошаадьми.

Она въехала во двор с покосившимся забором через ворота, которые, похоже, давно уже никто не закрывал.

- Ну вот и пришли, - сказал мужик повесив свой замызганный картуз на гвоздь, вбитый в давно небеленную стенку, - спите в комнате.

Эля хотел было возразить, но мужик только рукой махнул.

- Мне на кухне лучше, - сказал он и тихо добавил, - тяжело мне там.

- Эля, посмотри, как дети устали, лошадь отошала совсем, - говорила Полина, когда все заснули.

- Похоже, что даже там где нас нет - тоже не лучше, - говорил Эля заложив руки за голову.

- И куда же мы все едем, Элочка? Всюду одно и то же...

И они решили остаться в этом селе. На следующее утро Эля пошел в сельсовет, тогда еще не было такого строгого паспортного режима, и Элю записали в колхозники. Жили они у Ивана Тимофеевича, он сам предложил. Полина прибрала в хате, кушать готовила, Иван Тимофеевич даже немного ожил. Эля начал строить дом и Иван Тимофеевич помогал ему.

- Ну, настырный мужик, работает с нами в поле целый день еще и хату построил! И когда он успел? - удивлялись соседи.

Полина благоустроила их более чем скромный быт как могла.

Как-то, Эля только вернулся с поля, умылся во дворе, Полина, подав ему полотенце, выплеснула воду из таза.

- Иди садись за стол!

- Мама, мы голодные, - прибежали с улицы Таня с Юзиком.

- Сейчас-сейчас, - Полина разливала борщ по тарелкам.

- Ты где же научилась такой вкусный борщ готовить?

- Так это ж из ботвы, соседка научила. Хочешь еще?

- Нет, я уже наелся.

- Мы уже поели, мама, - в один голос сказали дети.

- Ну бегите на улицу играть.

- Эля, ты видел, какая наша Танечка стала? - радовалась Полина, глядя вслед дочке.

Улыбнувшись, он молча кивнул, но почему-то вспомнил их с Полиной старших детей и комок сдавил ему горло.

Эля был уже бригадиром. Старожилы говорили, что такого урожая, как в том году, давно не было. Работали много, торопились собрать урожай до холодов. Как-то Эля увидел незнакомых людей, сидевших на обочине дороги на краю поля, подошел.

- Здорово, мужики!

Трое мужиков, продолжая курить, поздоровались. Он присел рядом, достал из кармана кисет.

- Откуда будете, люди добрые?

- Так издалека мы.

- С Поволжья, - добавил другой, более разговорчивый.

- Ну и как там? - спросил Эля.

- Было б хорошо, не пришли бы сюда.

- А у нас, видите, какой урожай уродил в этом году! Может поможете? В обиде не останетесь.

Мужики переглянулись и, не очень долго раздумывая, согласились.

- А чего б не подсобить, ты только скажи, что делать нужно.

Вместе с колхозниками они взялись за работу. Уборочная была еще в разгаре, когда вдруг ночью ударил мороз, урожай гиб прямо на корню. И только Элина бригада, единственная в колхозе, успела убрать свои делянки.

На следующий день появилось районное начальство, срочно собрали колхозное собрание, выступал секретарь райкома партии.

- Ну что, товарищи колхозники, урожай собрали? - громким, бодрым голосом спросил он, хотя по его лицу было видно, что он знает, что это не так. Выдержав паузу, он продолжил:

- Как мне доложили, только одна бригада успела полностью вывезти урожай с поля! А остальные почему нет?

Он, слегка прищутив глаза, то ли от близорукости, то ли пытаясь прочесть ответ на свой вопрос, пристально всматривался в немые лица людей, которые, кроме усталости, ничего не выражали.

- Ну вот, одна же бригада успела!

Голос секретаря райкома повис в тяжелой тишине холодной, прокуренной комнаты, что называлась сельским клубом.

- Они б сами не управились, - негромко сказал кто-то.

- Кто это, как его фамилия? - секретарь райкома тихо спросил председателя.

- Бригадир второй бригады, Подкопайло, - сдержанно ответил председатель.

- А, это тот, у которого самые низкие показатели? Так что он имел ввиду? - опять спросил секретарь.

Председатель, пошарив по карманам своего пиджака, молча скручивал сигарку.

- Ты знал об этом? - секретарь райкома раздраженно посмотрел на него.

По большому счету, секретарь ценил этого несуетливого, хозяйственного мужика, а тут вдруг вскипел: «Засужу за безответственность, твою мать!», но тут же взял себя в руки.

- Так что ты сказал, Подкопайло, почему? - глядя на него в упор, спросил секретарь.

Подкопайло с надеждой посмотрел вокруг и, не найдя поддержки у односельчан, наблюдавших за всем происходящим выжидательно, почти безучастно, сплюнув себе под ноги, решительно сказал:

- Да мужики приезжие им помогли!

Элю судили за использование наемного труда. Посовещавшись, объявили, что вместо Эли будет другой бригадир и, если такое повторится в их колхозе еще раз, то будут уже судить и бригадира, и председателя по всей строгости.

Поздним вечером того же дня, дети и Полина уже спали, к Эле в хату кто-то постучал, он открыл двери, на пороге стоял председатель.

- Заходи, Павел Иванович, садись.

Председатель сел на лавку у стола.

- Ты чего так поздно, что-то еще случилось? - спросил Эля садясь напротив.

Председатель, положив картуз на колено, долго смотрел в пол.

- Эля, тобі треба їхати звідси, так буде спокійніше і тобі, і мені. Хто знає, що їм завтра на ум прийде.

- Как скажешь, Павел Иванович, - ответил Эля. - А когда ехать?

- Зараз, я даю тобі коня и воза, - председатель встал. - Так я піду?!

- Прощай, председатель, - они обнялись. - Спасибо тебе, что помог мне в трудный час!

- И я тобі дякую за то, що так справно працював, - он помолчал. - Так хто ж знав, що так вийде з цими мужиками, їхай-їхай швидше!

Эля проводил председателя до калитки, и тот быстро пошел по улице. Эля подошел к телеге, проверил колеса, упряж и, вздохнув, потрепал коня по загривку. Задумавшись, сел под яблоней, скрутил сигарку, докурив, решительно вошел в хату.

- Полина, Полюшка, вставай, - сказал он громким шепотом.

Полина резко села на кровати.

- Собирайся, Полюшка, нам уезжать надо!

Она испуганно смотрела на мужа сонными глазами, Эля обнял ее за плечи.

- Председатель дал нам лошадь и телегу, поедем отсюда.

Полина быстро натянула юбку с кофтой. Когда все пожитки было уже в телеге, Эля разбудил детей.

- Папа, що трапилось?
- Давайте одевайтесь, мы уезжаем.

Больше они вопросов не задавали, залезли в телегу и, облокотившись о тюки с наспех собранными вещами, тихо разговаривали. Эля зашел в хату, Полина, прихватывая по пути какие-то вещи, чтобы взять их с собой, торопливо прибирала.

- Зачем ты все это, - горько усмехнулся Эля, - мы сюда уже никогда не вернемся. Пора, скоро рассветет.

- Эля, куда мы едем? - тихо спросила Полина мужа, когда они выехали со двора.
- Не знаю, - ответил он, - но только не в сторону райцентра – подальше от греха.
- Эля, - робко сказала Полина, - давай домой поедem, Танечка уже большая, может, все обойдется.
- Ну что ж, поехали.

Эля уезжал с места, к которому привык, уже даже как-то и полюбил, где работал на совесть, построил себе дом, думая, что навсегда.

«Ан не вышло...» - тихо вздохнул он.

Эля даже не знал, что бывшие односельчане не раз помянули его добрым словом, ведь они худо-бедно, но выжили в ту суровую зиму, а председатель даже благодарность получил от районного начальства за выполненную норму по продразверстке.

3

Дорога была долгая, тяжелая, и наконец, поздним осенним вечером, они добрались до родной деревни. Эля остановился у своего дома, ворота были закрыты изнутри, во дворе залаяла собака. Из соседнего дома вышел мужик.

- Кто такие будете? - присматриваясь в темноте, спросил он. - Элька?!

- Да вроде я, Петро!

Они обнялись.

- Пошли ко мне.

- Так я ж домой приехал, - недоуменно сопротивлялся Эля.

- Щас-щас я ворота открою, заезжай, - легонько подталкивая Элю в спину, говорил Петро словно не слыша Элиных возражений и, - потом поговорим, давай бери своих, пошли в хату. Переночуете у нас, а там видно будет.

Эля въехал во двор, Петро закрыл ворота на засов.

- Распрягай коня, пусть отдыхает.

Они пошли в дом. Маланья, жена Петра, проворно соскочив с печи, стала накрывать на стол.

- Ешьте-ешьте, чем богаты тем и рады, - приговаривала Маланья ставя на стол картошку, грибы соленые, лук. Петро достал бутылку самогона.

- Ну что, с возвращением!

Они чокнулись, закусили. Таня с Юзиком, поев, хотели прилечь тут же на лавке.

- Не-не, лезьте на печку, там удобнее, - улыбнулась Маланья беря за плечи уже сонную Таню.

Юзик вопросительно посмотрел на отца.

- Полезай, пока хозяева не передумали, - рассмеялся Эля.

Женщины, убрав со стола, мыли посуду и тихо разговаривали, Полине интересно было слушать деревенские новости, потом и они улеглись спать.

- Так чего ты вернулся, Эля, домой потянуло? - спросил Петро, когда они остались одни.

- Жизнь так сложилась. Я, в общем-то, не собирался оттуда уезжать, прижился я в тех краях, если честно, да и Танюхе там хорошо было.

Он задумался.

- А потом одна история вышла... ну... председатель... да, хороший мужик он был... дал мне телегу... и я уехал... прямо той же ночью...

Петро слушал не перебивая, молча налил еще по чарке. Выпили, Эля, закусив соленым грибом, продолжал:

- Судили меня, Петро, слава богу, не посадили, отпустили. Я и уехал, пока не передумали.

- За что ж так?

- А за то, что мужики пришлые, с Поволжья, помогли нашей бригаде урожай собрать, а мы им дали мешок пшеницы и мешок картошки за помощь.

- Это ж хорошо, урожай не пропал и мужикам не дали с голоду помереть!

- Э-э, Петро, ты неправильно думаешь, - говорил Эля закуривая, - они думают по-другому, у них это называется «использование наемного труда», за то и судили.

- Ну да, помогли собрать урожай - судить, не выполнили продразверстку, потому что урожай не собрали - тоже засудим!

- Да-а, Петро.

Эля опять замолчал, задумался, его мучил вопрос, который он хотел задать, но почему-то все время оттягивал.

- Так кто же живет в моем доме? - пристально посмотрев на друга, наконец спросил Эля.

- Ты помнишь Ваньку, сына батрака Прокоповича?

- А, это тот, что после революции бегал по деревне с лозунгами, когда мы работали?

- Ну да, тот самый, - рассмеялся Петро, - ты б его увидел, не узнал бы.

- Что, уже не бегают с лозунгами?

- Да нет, теперь он большой пурец, важный, дебелий. Сидит в президиуме на колхозных сходках, а как выступает, - продолжал Петро, - то только и слышишь - «Посадим! Расстреляем!».

- И он туда же, - в сердцах сказал Эля.

- А куда же ему еще, разве он умеет работать? - скептически спросил Петро.

- Вот и я так думаю.

Эля закурил.

- Ну и пусть живет в моем доме, раз сам построить не может, - сказал он помолчав.

- Я вот что подумал, Эля, - сказал Петро наливая.

- Что же ты подумал? - устало улыбнувшись спросил Эля.

- Так живите пока с нами, куда вы пойдете, зима же скоро. В тесноте, да не в обиде, вот построисься и опять будешь жить в своем доме.

- Ты мне как брат!

Эля с благодарностью посмотрел на Петра, с которым дружил с детства.

- А то как же, мы же все люди.

- А он? - кивнув головой в сторону своего бывшего дома, спросил Эля.

Петро только молча развел руками.

На следующее утро Эля пошел записываться в колхоз. Зайдя в сельсовет, он снял картуз, огляделся по сторонам, в комнате никого не было, только за столом у стены, где висел портрет Держинского, сидел раздобревший Ванька.

- Здравствуй, Ванька, - сказал Эля глядя на него в упор.

- Я не Ванька тебе, понял? - положив руки на стол, ответил тот.

- Понял, Ванька, - сказал Эля собираясь уходить.

- Постой, так ты что, вернулся?

- Как видишь.

- Чего ж так, искал где лучше, а теперь, - хмыкнул он, - соскучился?

- Ты же знаешь, Ванька, почему я уехал тогда, - с болью в голосе ответил Эля.

- Где же ты был все эти годы?

- Да так, в разных местах, - уклончиво ответил Эля. - Ванька, а где председатель?

- А зачем он тебе?

- В колхоз записаться хочу.

- А, вот как!

Ванька посмотрел на Элю внимательно.

- Приходи под вечер, в поле он сейчас.

Надев на ходу картуз, Эля вышел на улицу.

4

Эля с семьей жил у своих родителей и, пока не начались весенние работы, торопился построить дом, Петро помогал ему. Весной тридцать девятого года он уже переехал.

Как-то после ужина Эля сидел за столом, Полина мыла посуду.

- Ты чего, Поля, так вздыхаешь?
- Вздыхаю? Я даже не заметила, - смутилась она.
- Что-то случилось?
Полина присела на край лавки у стола.
- Эля, - она опять вздохнула, - время сейчас такое неспокойное, и что там в той Германии творится, Гитлер же совсем одурел.
- Ну ты у меня политически грамотная, недаром на сходки колхозные ходишь.
- Эля, а я опять беременная.
- Ну и хорошо, - улыбнулся довольный Эля.
Полина родила дочку, назвали ее Лидой. Лидочке был всего месяц, когда Гитлер напал на Польшу.
- Ой, Эля, что-то тревожно у меня на сердце, - вздохнула Полина прикладывая дочку к груди
- Не волнуйся, все будет хорошо, Сталин с Гитлером пакт о ненападении подписали.
- Ну да, - она с сомнением покачала головой.
Время бежало быстро, был июнь сорок первого, через месяц Лидочке исполнится два, Таня с похвальной грамотой перешла в седьмой класс, Юзик сдавал выпускные экзамены, собирался стать трактористом. Закончилась посевная, все вроде было хорошо, но в воздухе висела какая-то тревога, как затишье перед грозой.
Было воскресное утро, Полина полола сорняки на огороде, Эля мастерил новый насест для курятника.
- Полина, - позвал Эля жену.
- Что, Эля? - спросила она разогнувшись.
- Иди сюда, помоги мне.
- Иду-иду, - заторопилась Полина.
- Придержи доску, пока я прибью.
- Где держать? - спросила она, не зная с какой стороны подойти.
- Вот здесь, - сказал Эля и, вколачивая гвоздь, спросил, - а где Юзик?
- Спит, наверное, еще.
Эля буркнул что-то себе под нос.
- Эля, не злись, у него же вчера выпускной был.
Он молча посмотрел на солнце.
- Ну вспомни, как мы рассвет встречали.
- Полина, я просил тебя подержать доску, а не держаться за нее, - улыбнулся он в усы.
Полина, облегченно вздохнув, собралась уже было идти полоть дальше. Сделав пару шагов, остановилась и, приложив руку козырьком к глазам, удивленно сказала:
- И чего это Франя как ошпаренная бежит из дома в дом?
Полина была уже на огороде, когда во двор вбежала Франя.
- Война, война, - заголосила она.
- Чего раскудаhtалась, - сказал Эля продолжая заниматься своим делом, уже почти два года как у них там война.
- Та не, Эля, Гитлер на нас напал! - сквозь слезы сказала Франя.
Эля молча опустил молоток.
- Что случилось? - запыхавшись, спросила прибежавшая с огорода Полина.
- Война, Полина, война, - с новой силой запричитала Франя и, на ходу вытирая фартуком слезы, побежала дальше.
Полина бросилась мужу на шею, беспомощно прижалась к нему, вдруг спохватилась, засуетилась.
- Дети, где дети? Таня! Лида! Юзик!
- Ну чего ты расшумелась, мама, - выйдя на порог, спросил Юзик сонным голосом, - тут они.
Полина вбежала в дом, Таня с младшей сестрой сидели на полу, и Лидочка терпеливо ждала пока Таня шила из лоскутов что-то для ее куклы. Полина села рядом и, крепко прижав девочек к себе, раскачивалась из стороны в сторону, будто баюкала обеих сразу. Те удивленно смотрели на нее, пытаясь молча высвободиться из маминых объятий, а Полина только крепче прижимала к себе детей. Эля сидел во дворе на поваленном дереве.

- Что случилось, папа? Мама какая-то... - спросил Юзик подходя к отцу и сел рядом.

- Война, Юзик, - ответил Эля.

- Так уже два года...

- Да нет, Юзик, - перебил его Эля, - Гитлер на нас напал!

- Папа, дай закурить, - неожиданно для себя, впервые попросил Юзик отца.

Эля, не сказав ни слова, подвинул к нему кiset, они молча курили.

- Ну я пойду, - сказал Юзик загасив окурочок о землю.

- Ты куда?

- С хлопцами поговорить надо, я скоро вернусь.

В деревню приехал уполномоченный райвоенкомата. Юзик никогда не мечтал быть военным, ему нравилось работать на тракторе, но уже на следующий день он, вместе со всеми ребятами допризывного возраста из их деревни, уезжал поступать в военное училище. И этих мальчиков, проучившихся чисто символический срок в училище и стрелять-то еще толком не научившихся, бросили в пекло войны.

- Эля, давай уедем отсюда, - отправив Юзика и не отпуская девочек ни на шаг от себя, просила мужа растерянная Полина.

Эля пошел в сельсовет. С тех пор как началась война, там с утра до поздней ночи толкался народ, чтобы узнать какие-нибудь новости. События на военном театре разворачивались не так, как планировал Гитлер, и совсем не так, как ожидал Сталин. Народу в селе становилось все меньше, была паника. Многие, наспех собрав свои пожитки, уходили на восток. Эля колебался, он не мог представить себе, что враг войдет в его дом.

Как-то, когда Эля был в сельсовете, председатель подошел к нему. В этот момент кто-то позвал его из открытого окна кабинета.

- Никанорыч, секретарь райкома на проводе!

- Подожди меня, поговорить надо, - сказал председатель Эле на ходу и заторопился к телефону. - Иду!

Положив трубку, он вышел на крыльцо, люди подошли поближе, разговоры сами собой прекратились.

- Никанорыч, ну что секретарь говорит?

Председатель сделав последнюю затяжку, бросил окурочок на землю, устало провел рукой по лицу.

- Красная Армия героически защищает родную землю, но враг продвигается вперед! Все мужики призывного возраста должны идти на фронт, на защиту Родины!

В нависшей тишине раздался чей-то голос:

- А где записываться, когда на фронт?

- Завтра с утра приедет уполномоченный из района и все расскажет, - ответил председатель. Народ стал потихоньку расходиться, Эля подошел к председателю.

- Никанорыч, ты хотел мне что-то сказать?

- Я вот что подумал – чего ты сидишь здесь, Эля?

- Что ты имеешь в виду?

- Уходить тебе надо.

Эля ничего не ответил.

- Ну чего ты плечами пожимаешь, возраст у тебя непризывный, бери семью, родителей и уезжай пока не поздно. Эти подлюки не сегодня-завтра могут быть здесь.

- А ты?

- А что я? Я – партийный, меня район все равно никуда не отпустит.

Никанорыч замолчал.

- Слушай, - снова заговорил он о чем-то думая, - я свою жинку с дочкой отправляю отсюда, Колька-шофер их сегодня после обеда на станцию повезет и тебя прихватит. А ты уж присмотри там за ними, помоги, чем надо, Анюта же на сносях, вот-вот родить должна. Век тебе благодарен буду.

Председатель с надеждой посмотрел на Элю.

- Добро, помогу, чем смогу и тебе спасибо, - сказал Эля и пошел домой.

- Поля, иди сюда, - сказал он с порога.

Полина, держа Лидочку на руках и прижав к себе Таню, направилась к мужу.

- Поля, я же тебя позвал, оставь их на минуту.

Она, теребя фартук, пришла на кухню.

- Полина, пойдй с девочками к нашим, скажи, чтоб собирались, мы уезжаем, председатель машину дает.

- Эля, - она перепугано посмотрела на мужа.

- Дай мне соль и мешки, я Буренку резать буду, иди, торопиться надо, - перебил он ее.

Полина пришла через часа два, мешки уже стояли во дворе.

- Ну что, они собираются? - спросил Эля.

- Нет, они не хотят. Сказали, что никуда отсюда не уедут.

- Что – и твои, и мои?

Она молча покачала головой.

- Я сейчас, а ты пока собирайся, - сказал Эля на ходу.

Эля вернулся расстроенный.

Под вечер приехал грузовик, где уже сидела жена председателя с дочкой. Эля погрузил на машину мешки с мясом, опять наспех собранные пожитки, они залезли в кузов и машина тронулась. Глядя на быстро удаляющийся дом, он закурил и, затаившись, отвернулся, чтобы никто не видел, как по его щеке медленно стекает слеза. Колька торопился, не мог проехать, ругался, а по дороге все шли и шли люди.

Народу на станции было много. Начальник станции, пытаясь навести порядок, что-то говорил, стараясь перекричать всех, матерясь, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в воздух, звук выстрела утонул в гаме и шуме, он в сердцах махнул рукой и ушел. Наконец поздно вечером пришел поезд, люди в панике, что поезд уйдет без них, напирали, оттесняя друг друга, вокруг была суматоха, стоял крик и плач. Протиснувшись к двери вагона, Эля посадил Полину и жену председателя. Женщины крепко держали детей и котомки, Эля втащил два мешка, он уже и сам не рад был, что придумал с этим злополучным мясом. В вагон набилось народу так, что и на полу сесть было негде. Поезд тронулся, кое-как устроившись, женщины доставали нехитрую провизию – картошку в мундире, яйца вкрутую, лук, хлеб. Поев, дети засыпали на коленях у матерей, разговоры становились все тише, кто-то уже захрапел, кто-то разговаривал во сне, потрясенный произошедшим за день. Ночная прохлада, влетающая в открытые окна, не в состоянии была пробить тяжелый спертый воздух, висевший в вагоне. Мужчины пробирались в тамбур через спящих на полу людей и, открыв двери, курили. Теперь, объединенные одной бедой, нагнавшейся на всех разом, разговаривали, словно позабыв как они чуть ли не дрались несколько часов тому назад. Эля, покулив, вернулся, нашел Полину с Анютой, сел рядом пытаясь заснуть под мерный стук колес.

Вдруг кто-то крикнул из тамбура:

- Самолеты кружат над нами!

- Может, это наши?

- Нет, они летят оттуда!

Где-то впереди раздался взрыв, поезд резко затормозил. Люди повалились друг на друга, дети проснулись, заплакали все враз, взрывы раздавались совсем близко, бомбили поезд. Опять началась толкотня, давка, крики, плач, люди выскакивали из вагона. Эля проталкивался помогая Полине и Анюте скорее выйти. Спрыгнув на насыпь, люди бежали в открытое поле, другого спасения не было. Эля, схватив Полину и детей, бежал, все время оглядываясь на ходу, Анюты нигде не было. В это время совсем близко раздался взрыв, бежавших отбросило ударной волной.

- Полина, Полина, ты где? - закричал в темноту Эля поднявшись с земли.

- Я здесь, Эля!

Побежав на голос, он схватил жену и детей.

- В лес, быстрее!

На опушке они остановились, сели под деревом перевести дух. Вдруг все стихло, самолеты улетели.

- Вы сидите здесь, я пойду Анюту поищу, может заодно и котомки наши найду.

Эля шел по полю. В предрассветной мгле все отчетливее вырисовался контур состава, догорали перевернутые взрывом паравоз и первые вагоны. Он осторожно обходил неподвижно лежавшие тела людей. Увидев цветастую Анютину кофту, подошел, она лежала на спине широко разбросив ноги, юбка высоко задралась. Эля хотел было опустить юбку и вдруг увидел между ее ног бездыханный комочек еще соединенный пуповиной. Лицо ее исказила гримаса ужаса и боли, она крепко прижимала к себе дочку. Эля натянул на ее голые ноги юбку, провел по Анютиному лицу рукой, прикрывая ей глаза, тяжело вздохнул и пошел к вагону, в котором еще совсем недавно ехал.

В мертвой тишине раздавались всхлипывания и тихие стоны, он подошел, рядом с пожилым мужчиной сидела девушка.

- Дочка, ну помоги же мне, - говорил отец держась за сердце.

- А как я могу ему помочь, - девушка, вытирая рукавом слезы, беспомощно посмотрела на

Элю.

- А что с ним? - спросил он.

- Не знаю, раньше у него никогда сердце не болело.

- Давай его на свежий воздух вынесем, может ему там легче будет, - сказал Эля.

Вытащив отца девушки из вагона, они положили его на краю поля.

- Я сейчас вернусь, - сказал Эля и побежал обратно в вагон, нашел место, где они с Полиной сидели, под полкой лежал только один мешок с мясом, заглянул под соседние полки, второго мешка не было.

- Ишь какие проворные, и бомбежка им не помешала, - в сердцах сказал он и потащил мешок к выходу.

Девушка сидела на том же месте положив голову отцу на грудь.

- У тебя одеяло или мамкин платок какой-нибудь есть?

- Зачем?

Она приподняла голову.

- Потащим его в лес.

- Уже поздно, дяденька, - горько расплакалась она.

- Ну не плачь, ты ему уже ничем не можешь помочь, - сказал Эля сжав кулак от бессилия, - пошли отсюда.

Взвалив мешок на спину, он схватил ее за руку.

- Это же не по-людски, дяденька, - говорила сквозь слезы девушка, все время оглядываясь назад.

- Сейчас все не по-людски, бежим.

Обходя трупы, он тащил ее через поле к лесу.

- Это же не по-людски, - выкрикнула девушка плача и, с силой выдернув руку, побежала обратно.

- Тебя же убьют, дурочка! Немцы снова прилетят бомбить, - крикнул он ей вдогонку.

Она ему что-то ответила, но Эля уже не расслышал. Его вдруг охватил страх, страх за свою семью. Оказывается, это потрясающе душу просто – ведь только что эти люди бежали вместе с ним, спасаясь от смерти, а теперь вот лежат на поле их бездыханные тела. Увидев наконец своих, он побежал быстрее, бросив мешок возле дерева, где сидела Полина с девочками, обычно сдержанный в проявлении своих чувств, Эля, обняв Полину, крепко прижал ее к себе.

- Пошли отсюда, Полюшка!

- Куда?

- Куда-нибудь, где люди.

- Мама, я пить хочу, - захныкала маленькая Лида проснувшись.

- Эля, у нас воды нет, - сказала Полина тихо.

- Может, яблоко дай ей.

Полина открыла одну из уцелевших котомок и, найдя там яблоко, протянула его Лидочке.

- А я кушать хочу, - сказала Таня.

Полина опять полезла в котомку.

- Вот тебе картошка и яблоко, - достав вторую картофелину, подумала и положила обратно.

- Это для Лидочки будет.

Эля докурил и, подождав, пока девочки доедят, сказал:

- А теперь пошли.

Он тащил на спине мешок, Полина взяла Лиду на руки, две связанные вместе котомки перевесила через плечо, Таня несла котомки поменьше. Эля смотрел по сторонам, пытаясь угадать в этом густом лесу, где может быть ближайшее жильё. Чутье его не подвело, к вечеру они вышли на опушку леса. Впереди виднелась деревня.

- Подождите меня здесь, я пойду разузнаю что-нибудь.

- Воды попроси, - крикнула вдогонку Полина.

Когда уже стемнело, вернулся Эля с двумя мужиками на тракторе.

- Поля, мужики нас на станцию к поезду отвезут.

Погрузились и поехали по лесной дороге. Отъехав совсем недалеко от деревни, один из мужиков сказал:

- Чего по темноте ехать, заночуем здесь, а с утра и поедем.

Эля попытался его уговорить, но мужик заартачился. Съехав с дороги, развели костер, поужинали чем бог послал, даже кусок мяса зажарили на костре. Эля с семьей улеглись спать под деревом, мужики остались сидеть у костра. Встав по нужде, Эля отошел в сторону.

- И чего мы с ними мудохаемся? - услышал он возвращаясь.

Остановился, стал за деревом.

- Так на станцию просили, Василий.

- Ты долбанутый, Колька, что ли? Посмотри, сколько у него мяса!

- Так он нам хорошо заплатил, - сказал тот, которого звали Колька.

- Я видел, у него еще деньги есть.

- Ну и что?

- А что что!

Василий бросил окурочек на землю, достал из кармана нож.

- Побойся бога, Василий!

- А ты меня богом не страшай, Колька, - зло зыркнул на него Василий.

Эля вышел из-за дерева, медленно подошел к костру, внимательно посмотрев на обоих, сказал:

- Знаете что, мужики, берите этот мешок с мясом!

Он полез по карманам выгребая деньги.

- И деньги берите и поезжайте с богом в свою деревню!

Василий, не торопясь, спрятал нож, взяв деньги, молча положил в карман старого промасленного пиджака.

- Вы хоть скажите где станция!

Василий, глядя на костер, сплюнул и пошел грузить мешок с мясом на трактор. Тот, которого звали Колька, стал что-то искать на земле, закопошился в карманах и, подождав пока Василий отойдет подальше, тихо сказал:

- Так тут уже недалеко, идите по этой дороге прямо, она и приведет на станцию.

Эля быстро пошел к дереву, под которым спала Полина с детьми.

- Поля!

- Что случилось? - испугано спросила она.

- Вставай, буди Таню с Лидой, пошли!

- Я спать хочу, - сонным голосом сказала Таня.

- Потом поспишь, - торопливо собирая пожитки, сказал Эля.

Трактор заурчал, шум мотора стал удаляться, но Эля еще долго прислушивался поглядывая по сторонам. Солнце было уже высоко, когда они пришли на железнодорожную станцию. В помещении было душно и пусто. Люди, кто сидел, кто лежал прямо на траве, кому повезло, спрятались в тени под деревьями. Мимо проносились, не снижая скорости, составы с зарешетченными окнами, были поезда и с плотно задернутыми бархатными портьерами, проехал уже и санитарный поезд с ранеными. И каждый раз, завидев поезд, люди устремлялись на перрон. Поняв, что и этот не остановится, так же как и предыдущие, опять ждали и опять бежали, увидев очередной приближающийся состав.

Вдали показался поезд, и уже было понятно, что он сбавляет скорость, притормаживает. Все бросились на перрон, началась давка, крики, плакали дети. Поезд был уже битком набит, а люди все напирали, никто не знал, когда будет следующий и будет ли вообще. Эля с Полиной случайно оказались у самой двери, протиснувшись в вагон, они кое-как уселись на полу. Из вагона, расталкивая всех, выскочила молодая женщина и побежала наперерез толпе.

- Ванечка, сынок, - кричала она, - вы не видели мальчика, такой голубоглазенький, белобрысенький, потерялся...

Голос ее тонул в стуке колес, в тяжелом дыхании людей догоняющих набирающий скорость поезд.

- Ва-а-нечка! - все громче кричала она.

- М-а-м-а-а-а, - навстречу ей бежал заплаканный мальчонка, - я потерял тебя, - крепко обнимая ее за шею, говорил он.

- Где ты был? - нежно прижимая к себе сына, спрашивала женщина.

- Я пи-пи за кустиком делал, а потом тебя искал.
- Нашелся, мой ненаглядный.
- Мама, а наш поезд ушел.
- Ну и бог с ним, мы следующего подождем, главное, ты нашелся, - говорила сквозь слезы женщина поднимая с земли свой чемодан. - Пошли на станцию.

Навстречу им бежали люди, хватались за поручни, вскакивали на ходу, кто-то падал, катился по насыпи вниз, об них спотыкались, тоже падали, встав, пытались догнать уходящий поезд.

Поезд проносился мимо станций и вокзалов уже без остановок. В вагонах было душно, плакали дети, людей мучила жажда. Поздно ночью поезд остановился на каком-то полустанке, все бросились за водой, у колонки выстроилась длинная очередь. Машинист, высунувшись из окна паравоза, устало наблюдал, как люди, набрав воды, торопятся обратно, на ходу расплескивая драгоценную влагу. Он дал сигнал, и поезд стал медленно набирать скорость.

Куда точно идет поезд никто не знал, где-то на рассвете он неожиданно остановился, и по вагонам прошел слух, что поезд дальше не пойдет.

- Что это за город, где мы?
- Да Саратов это, Саратов!

5

Беженцев было много, по городу ходили уставшие, растерянные люди. Оставив Полину с детьми в небольшом сквере недалеко от вокзала, Эля пошел искать жилье. На какой-то улице, у одного из домов, он увидел большую толпу. Подошел, оказалось, что здесь занимаются расселением эвакуированных и выдачей продовольственных карточек. Уже под вечер Эля вернулся в сквер, где оставил Полину, и они пошли по адресу, который ему дали. Им досталась маленькая комната в коммунальной квартире, где жило семей десять или двенадцать и столько же эвакуированных. На кухне вдоль стен на тумбочках и табуретках стояли примусы. Так и готовили, сплетничали, секретничали и ругались – плечом к плечу, как в строю.

В январе сорок второго враг подошел совсем близко к Москве. В стране началась мобилизация мужчин старшего призывного возраста, призвали и Элю. Полина работала на заводе, очень уставала, но зато каждый месяц приносила домой продкарточки на себя и на девочек. Таня нянчилась с маленькой Лидой, стирала, убирала, выстаивала в длинных очередях за продуктами, готовила, в общем, вела их маленькое хозяйство. Полина, вернувшись с работы, устало садилась за стол, Таня, улыбаясь, клала перед ней потертый треугольник. Лидочка вертелась тут же, просилась на руки. Полина, усадив дочку на колени, читала письмо вслух.

- Мама, суп стынет, - совсем как взрослая говорила Таня.
- Лидочка, иди сюда, дай маме поесть.

Наконец Тане удавалось уговорить Лидочку сойти с маминых колен, она кормила младшую сестричку, а мама перечитывала письмо и, тихо вздохнув, бережно складывала треугольник.

- Спасибо, доченька, вкусно было.

Устало улыбнувшись, смотрела на дочку.

- И когда ты научилась готовить!?

- Тетя Дуся помогает мне, - ответила Таня собирая грязную посуду со стола.

- Добрая душа у тети Дуси, - сказала Полина задумавшись.

- Да, она хорошая, всегда заходит к нам с Лидочкой, спрашивает, как мы тут справляемся, пока ты на заводе, - и, помолчав, добавила, - мама, а у нас уже карточки закончились.

- Карточки дадут только через два дня.

Таня молча вздохнула.

- Танечка, мне тут новые варежки выдали сегодня.

Полина потянулась к ватнику.

- У тебя же руки мерзнуть будут!

- Ничего-ничего, я их в карманы и добегу до завода, а ты продай варежки на базаре, может, купишь хоть каких-нибудь продуктов.

- Хорошо, иди уже спать, мама, тебе рано вставать.

- Я хотела папе письмо написать.

- Я завтра утром напишу, почтальон придет и заберет.

- Напиши, доченька, что у нас все хорошо, все живы-здоровы. Скучаем очень и ждем его, пусть бережет себя. Спроси, ничего ли не знает о Юзике.

Иногда Полина писала коротенькое письмо сама, потом долго сидела за столом положив голову на руки. Таня, делая вид, что спит, тихо вытирала слезы. Как-то почтальон принес сразу два треугольника, один, как обычно, от Эли и второй, долгожданный – от Юзика. Юзик был ранен, писал из госпиталя: «Не беспокойся, мама, со мной все хорошо, меня скоро выписывают и опять на фронт. Как ты? Береги себя! Как Танюша? Лидочка, наверное, уже совсем большая. Вчера получил письмо от папы. Обнимаю всех, целую. Пишите, Юзик». Полина, вытерев слезы, о чем-то долго думала поглаживая лежащий на столе треугольник.

- Завтра обязательно напишу, - сказала она вполголоса лежа на койке и тут же провалилась в тяжелый сон.

На следующий день с трудом проснулась, еле поднялась и пошла на завод. Уже было поздно, а она все не возвращалась, Таня уложила Лидочку спать, а сама, поджидая маму, сидела у стола. Еще раз глянув на часы, завернула кастрюлю с ужином в газету, потом в полотенце и прикрыла подушкой, как учила тетя Дуся. Быстро надев пальто и обвязавшись платком, выскочила на улицу, холодный ветер хлестал ей в лицо. Заводская проходная была закрыта, она постучалась в темное окно, зажегся свет.

- Ты чего так поздно, смена уже давно началась, - сказал сонный сторож открывая двери.

- Я не на смену.

- Да ты заходи, холод-то не напускай.

- Дяденька, Вы не знаете, где моя мама? - спросила Таня стоя на пороге.

- А как ее зовут?

- Полина, Полина Горчик!

- Знаю такую, а ты на нее похожа, - сказал сторож и кряхтя, неторопливо встал со стула.

Подбросив полено в буржуйку, посмотрел на Таню:

- Нет ее сейчас на заводе.

- Как нет?!

- Ее в больницу забрали, девочка.

- В какую, что с ней?

Голос у Тани задрожал.

- Что с ней - не знаю, а больница тут за углом.

- Спасибо, дядечка!

Таня взялась за ручку двери.

- Куда собралась-то, тебя же туда ночью не пустят.

Таня бежала по улице и, размазывая жесткой варежкой слезы по лицу, шептала: «Спи, Лидочка, будь умницей!».

Больница была закрыта.

Каждый день, Таня, усадив Лидочку на санки, которые ей давала тети Дуся, шла в больницу. К маме их не пускали.

- Нельзя к ней, у нас карантин!

В то воскресенье немного потеплело, снег начал таять, пришлось Лидочку нести на руках.

- Здравствуйте! Когда нашу маму выпишут? - спросила Таня дежурную.

Девушка была новенькая и долго искала фамилию в списках. Таня, поставив Лидочку на пол, терпеливо ждала.

- Такая не числится, - сказала она закрывая регистрационный журнал.

- Как не числится, это же наша мама, она уже две недели здесь!

- Нет ее в списках.

- А где она?

Дежурная, помолчав, тихо сказала:

- Умерла сегодня ночью.

Взяв Лиду на руки, Таня медленно пошла к выходу. Девушка, глядя им вслед, тяжело вздохнула.

- Где мама? К маме хочу, - капризничала Лидочка, когда они вернулись домой.

- Мама уехала.

- Куда?

- Далеко, - сказала Таня обреченным голосом. – Давай снимем пальтишко и валенки и ты поспишь.

- Я проснусь и мама приедет? - уже закрывая глазки, сквозь сон спросила Лида.

В дверь постучали, она встрепенулась.

- Спи-спи.

Вошла тетя Дуся и, приложив палец к губам, тихо села у стола. Таня, поправив мамин платок, которым она укрыла Лидочку, подошла к ней.

- Ну что, Танечка, как мама?

Таня молча обхватила ее за шею.

- Ах несчастье же какое! Когда же?

- Сегодня ночью, - прошептала Таня уткнувшись ей в плечо.

- Поплачь, деточка, поплачь, душу слезами омоешь, может полегчает...

Таня стояла молча прижавшись к тете Дусе.

- Ты бы отдохнула немного, пока Лидочка спит, я позже зайду, - сказала тетя Дуся вздохнув.

- Хорошо, - кивнула головой Таня.

- Таня, я кушать хочу, - захныкала Лидочка проснувшись.

- Ну попей водички.

- Не хочу!

- А давай поспим.

- Не хочу больше спать!

- Лидочка, давай посмотрим в окно, - пытаюсь отвлечь сестричку, говорила Таня.

- Там мама?

Лидочка полезла на стул стоявший у окна.

- Это не мама! Я к маме хочу, - все больше капризничала она.

Уже под вечер тетя Дуся пришла опять.

- Заходите, тетя Дуся, садитесь, - сказала Таня убирая со стола лоскутки.

- Ты поспала немного, детка?

- Нет, - покачала головой Таня, - не смогла.

- А на кухню чего целый день не выходишь?

- Да так, - замялась Таня, - мы с Лидочкой тут заняты были.

- А ну-ка, - обратилась она к Лидочке, - покажи тете Дусе куклу, которую мы сшили сегодня.

Лидочка потупилась, Таня укоризненно посмотрела на нее.

- Иди ко мне, маленькая, - тетя Дуся усадила Лидочку к себе на колени, - потом покажешь свою куклу.

- Я кушать хочу, - расплакалась Лидочка.

- Ах я дура старая, как же я не догадалась! Пошли ко мне!

- Тетя Дуся, мы...

- Пошли-пошли, - подхватив Лидочку, тетя Дуся решительно встала.

Таня, вытирая кулачком слезы, шла за ней по коридору.

- Посидите, - сказала тетя Дуся заходя к себе в комнату, - я мигом обратно.

Вернувшись из кухни с кастрюлей, поставила ее на стол.

- Ну вот, сейчас супа поедим, только что приготовила, еще горяченький.

- Спасибо, - сказала Таня поев.

- Добавки хочешь?

- Нет, - покачала головой она.

- Что ж ты мне, детка, не сказала, что у тебя карточки закончились?

Таня, опустив голову, пожала худыми плечиками.

- Тебе нужно пойти в домоуправление. Скажи им, что у вас папка и брат на фронте и мамка, - тут она осеклась. – Иди прямо утром, я за Лидочкой присмотрю.

Таня обняла тетю Дусю.

- Спокойной ночи!

- Спокойной ночи, девочки!

На следующее утро Таня пошла в домоуправление. Отоварив карточки, она собралась что-нибудь приготовить. На кухне, как всегда, было полно народу. Женщины, получая скудные

месячные пайки, которых в хорошие времена и на неделю едва хватило бы, пытались из ничего приготовить что-то. Зайдя на кухню, Таня негромко поздоровалась, у нее вообще от природы голос был тихий. Никто не обратил на нее внимания, две соседки, стоя у своих примусов, продолжали, по-видимому, недавно начатый разговор.

- Занимают тут целую комнату!

Одна из них обернулась и с едва уловимым оттенком смущения раздраженно сказала:

- Когда заходишь, здороваться нужно! Что, мама не научила?

- Мая, перестаньте, она поздоровалась, - вступилась за Таню одна из соседок, тоже из эвакуированных.

- А Вы, Серафима Ивановна, не вмешивайтесь, - отрезала та.

- Правильно она говорит! И вообще их нужно в детдом отправить, - встала на защиту

Майки ее подруга.

Таня стояла молча.

- Что вытарасила свои зеньки полные вековой печали! - ободренная поддержкой товарок, выкрикнула Майка.

- Ну перестаньте же!

Серафима Ивановна пыталась призвать соседок к человечности, но голос ее тонул в шуме все больше разгорающегося скандала.

- В детдом их, только жилплощадь тут занимают, - услышала тетя Дуся заходя на кухню.

Посмотрев на всех, громко спросила:

- Кому жилплощадь нужна, тебе?

Зная Майин характер, тетя Дуся обратилась именно к ней. Та пыталась что-то сказать, но тетя Дуся только махнула на нее рукой.

- А теперь слушайте все, - продолжала она громко, - если кому-то нужна еще одна комната, берите мою, я и в коридоре поспать могу, а детей трогать не смейте! Поняли?

Она обвела всех долгим внимательным взглядом.

- Ну и суки вы, бабы! - сказала она и в полной тишине, взяв Таню за руку, вышла из кухни.

С тех пор Таню никто не трогал, но на кухне она старалась быть как можно меньше. Заходя, здоровалась, молча стряпала. Серафима Ивановна, когда на кухне никого не было, а это случалось редко, тихо спрашивала как ее дела, Таня отвечала, что хорошо и быстро уходила в комнату. Почтальон по-прежнему часто приносил Тане два треугольника - от Эли и от Юзика, Таня отвечала в тот же день.

«Папка, дорогой, о нас не беспокойся, у нас все хорошо! Лидочке уже пятый годик пошел, посмотри, какая у нее ручка большая стала.

Таня старательно обводила карандашом Лидочкины тоненькие пальчики.

... Папка, побейте фашистов проклятых и побыстрее приезжай к нам, мы тебя очень ждем!».

Уже была ранняя весна сорок пятого, по радио каждый день сообщали новости об успешном продвижении советских войск.

- Тетя Дуся, правда война уже скоро закончится?

- Да, деточка.

- И папка с Юзиком приедут за нами?

- Конечно, приедут, - отвечала тетя Дуся тайком вздыхая, у нее под подушкой еще с прошлого года три похоронки лежали - на мужа и двух сыновей.

Как-то под вечер раздался стук в дверь.

- Тетя Дуся, заходите, дверь открыта!

На пороге стоял Эля.

- Папка!

Таня бросилась ему на шею и, повернувшись к Лидочке, сказала ей радостным голосом:

- Иди с папой поздоровайся!

Лидочка смотрела на Элю удивленно и немного испуганно. Присмирившая, села на свою кровать, составленную еще мамой когда-то из ящиков, и тихо рассказывала своей кукле:

- Наша мама улетела. Нет, она не птичка, она просто умеет летать. Если будешь вести себя хорошо, мама скоро прилетит.

- Ничего, Танечка, дай ей привыкнуть, она же совсем маленькая была, забыла меня, - сказал Эля снимая шинель.

- Папа, а ты раньше не хромал.
 - Ранило меня, доченька.
 - А почему не написал, что раненый?
 Эля сел на край кровати.
 - Не хотел тебя волновать, тебе и так досталось, - сказал он стягивая сапоги.
 - Папа, тебе холодно будет, сейчас я носки дам, - сказала Таня и тихо добавила, - мама связала для тебя...

Эля, обхватив голову руками, так и сидел на кровати в портянках, пока в дверь не постучали. Он быстро натянул сапоги, вошла тетя Дуся.
 - Танечка, у тебя гость, я потом.
 - Тетя Дуся, это наш папа приехал! - сказала Таня счастливо улыбаясь.
 - Меня зовут Евдокия Михайловна, - сказала она стоя в нерешительности у порога. Таня вдруг увидела, что тетя Дуся не такая старая, как ей казалось раньше, и даже красивая.
 - А меня Илья Файвелевич, зовите меня Эля, так проще, - представился Эля поправляя гимнастерку. - Проходите, Евдокия Михайловна, садитесь, мы как раз перекусить собрались. Таня с испугом посмотрела на пустой стол, Эля, перехватив ее взгляд, улыбнулся.
 - Давай, Танечка, тарелки, сейчас что-нибудь сообразим.
 Развязав вещмешок, достал оттуда свой паек, ловко открыл консервы перочинным ножиком, нарезал хлеб и небольшой кусок сала.
 - Тоньше, тоньше режьте! Боже, какой пир!
 Таня с тетей Дусей смотрели на это богатство широко открытыми глазами, вдруг тетя Дуся спохватилась.
 - Совсем забыла на радостях, я мигом обратно, - сказала она вставая из-за стола и быстро вышла из комнаты.
 - Лидочка, - позвал папа, - идем поедим.
 Лидочка, обняв свою куклу, крепко спала.
 - Не буди ее, папа, потом поест.
 «Как она похожа на Полину!»
 Он смотрел на дочек и сердце его сжималось от боли – сколько же им пришлось пережить без него.

Тетя Дуся вернулась с кастрюлей каши.
 - Ну зачем Вы, Евдокия Михайловна!
 - А как же иначе? - ответила тетя Дуся поправляя платок на плечах.
 Они просидели за столом весь вечер, долго разговаривали.
 - Евдокия Михайловна, Таня так много писала мне о Вас. Спасибо Вам большое за все!
 Тетя Дуся улыбнулась.
 - Хорошие у Вас девочки! Танечка, так вообще, умница, - сказала она и задумчиво добавила, - я всегда мечтала о такой невестке.
 - Вот подрастет и будет Вам невестка, - улыбнулся Эля.
 - Папа, у тети Дуси...
 Таня замолкла подбирая слова, тетя Дуся грустно покачала головой.
 - Уже не для кого, не вернутся мои сыночки домой - оба... и муж погиб...
 Таня порывисто встала и обняла тетю Дусю.
 - Простите меня, Евдокия Михайловна, - сказал Эля сдавленным голосом.
 И он еще не знал тогда, что эта боль и чувство вины за то, в чем он и не виноват, так и останется с ним на всю оставшуюся жизнь. Он хотел что-то сказать, но не мог найти нужных слов. Там, на войне было не то, что бы проще, было иначе – командир поднимет в атаку:
 - За Родину! За победу!
 Все бегут, стреляют, кто-то падает с навеки застрявшим в горле «ура-а...», а ты бежишь дальше, мимо лежащих в неестественных позах таких же, как и ты солдат. И только потом, после боя, выпив пол-кружки водки, выданной на паек, вдруг все осознаешь. И снова бой, и опять командир поднимает в атаку, и ты бежишь вперед - к победе или к смерти, как повезет.
 Эля так и не смог заснуть, пролежал с открытыми глазами всю ночь. Таня проснулась рано. Тихо, чтобы никого не разбудить, взяла чайник и собралась было уже идти на кухню готовить завтрак.
 - Танюша, - шепотом позвал дочку Эля.

- Да, папка.
Она присела на край кровати.
- Танюша, может, мы сейчас пойдем?
Таня посмотрела на него взрослым, почти материнским взглядом.
- Хорошо, только давай чаю попьем и Лидочку накормить нужно, - сказала она и пошла на кухню.

- Доброе утро, Таня, - сказала тетя Дуся разжигая примус. - Ты чего так рано?
- К маме хотим пойти.
- С Лидочкой?
Таня молча кивнула.
- Танечка, не берите ее с собой, она только расстроится.
Таня хотела что-то сказать, но тетя Дуся перебила ее:
- Не буди ее, пусть спит, я присмотрю за ней и накормлю, когда проснется.
- Спасибо, тетя Дуся.

Таня с Элей вышли на улицу. Снег уже таял, и земля не успевала впитывать влагу, вокруг стояли большие лужи. В воздухе пахло весной и победой, на голубом небе ярко светило солнце. Из уличного репродуктора раздавался голос Левитана:

«Наши войска победоносно продвигаются...»

Эля шел глубоко задумавшись, Таня хотела что-то сказать, но, посмотрев на папу, промолчала. На кладбище в это раннее утро не было ни души. Эля, сняв шапку, долго стоял перед могилой – в маленький холмик была воткнута фанерная табличка с несколькими фамилиями. Таня подошла к нему поближе, Эля приобнял дочку за плечи и она горько расплакалась уткнувшись в его шинель. Он гладил ее по голове, платок совсем съехал куда-то на затылок, а Таня, размазывая слезы по лицу, говорила:

- Папка, ты не умрешь, правда же? Обещай мне!
- Обещаю, доченька.

Эля взял ее, как маленькую, за руку и они пошли с кладбища. Таня шла задумавшись, она не любила этот город, который принес ей столько страданий и боли.

- Папа, а когда мы домой поедем?
- Завтра, наверное.
- Как завтра?

Спазм сдавил ей горло – а как же мама, а тетя Дуся, она же теперь как родная нам!

Вечером они с папой написали Юзику письмо, что возвращаются домой. На следующий день, собравшись, они отправились на вокзал, тетя Дуся провожала их.

- Танечка дорогая, пиши мне, - говорила тетя Дуся обнимая ее на прощание.
- Я Вам напишу как только мы приедем, - прижавшись к тете Дусе пообещала Таня.

Уже объявили отправление. Эля с девочками стоял у открытого окна. Лидочка, взобравшись к нему на руки, махала тете Дусе ручкой, Таня грустно смотрела на одиноко стоявшую тетю Дусю.

- Не забывай меня, деточка...
- Я буду скучать без Вас.

6

Поезд, сбавляя скорость, подошел к станции, с которой они четыре года тому назад с тысячами других беженцев уезжали в неизвестность. Здание станции было разрушено, и только у одной сохранившейся стены прилепилась фанерная будка, из которой вышел встречать поезд все тот же начальник станции, только весь седой, Эля узнал его. Люди сходили на развороченную снарядами платформу, радость возвращения, что светилась в их глазах, застилала слезы боли и ужаса от увиденного.

Оставив Таню с Лидой у дерева, вывороченного взрывом, Эля пошел узнавать, чем бы можно было добраться до деревни, все таки десять километров. Неподалеку грузили что-то на телегу две женщины, Эля подошел.

- Здравствуйте, бабоньки, погодите, я подсоблю вам!
- Мы привыкли за войну все делать сами, - сказала женщина, что была постарше.

- Так война скоро закончится, вот только добьют фрицев в их логове и все, - говорил Эля ловко забрасывая мешки на телегу.

- Да-да, сынок, - сказала она вздохнув.

- У нее сына убили на войне, - тихо сказала девушка помогая Эле поднять мешок.

Его опять охватило чувство вины, как тогда с Евдокией Михайловной, не зная, что сказать, он стал только быстрее грузить мешки. Вытерев слезы, женщина внимательно посмотрела на Элю.

- Так ты и не сынок мне вовсе!

- Ну да, - улыбнулся он, - у меня у самого сын на фронте!

- И ты воевал?

- И я!

- А Вас ранило? - спросила девушка.

- Да, в ногу.

Так, слово за слово, разговорились и выяснилось, что едут они в соседнюю деревню.

- Да подвезем мы тебя. Где твои дочки?

- Тут, на станции.

- Давай приводи их, поедем.

Таня с Лидочкой сидели в телеге, женщина правила лошадьми, а Эля с девушкой шли рядом.

- А я Вас узнала, - сказала девушка.

Эля удивленно посмотрел на нее.

- Когда разбомбили наш поезд, Вы помогли мне папу вынести из вагона, он умер тогда.

Помните?

Эля молча кивнул головой, потом спросил:

- А что дальше было?

- Что дальше было?! – повторила девушка теребя край косынки, - я оттащила его в лес, потом долго шла, пока не встретила людей.

- Каких людей, на тракторе?

- Нет, у них никакого трактора не было, - удивленно ответила девушка.

«Слава богу!» - подумал Эля.

- Они прятались в лесу, так же как и я, мы там жили. Они достали где-то оружие и стали партизанами, а я была у них санитаркой. Вот только недавно домой вернулась.

Эля вспомнил поле, как она убегала от него, и не столько от него, а возвращалась к отцу, которому уже ничем помочь не могла, и кричала: «Это же не по-людски, дяденька!»

- Прости меня!

- За что? - спросила девушка.

- За то поле...

Она горько усмехнулась:

- Папу вот только жалко, я даже похоронить его не смогла, могилу вырыть нечем было, так и оставила его под деревом, - сказала она тихо.

Наконец они въехали в Элину деревню. Светило майское солнце, почки уже распустились и деревья покрылись молодой яркой зеленью. Эля шел молча по пустынной улице, и только птичий гомон нарушал тишину.

- Вот мы и приехали...

Эля остановился у своего дома.

- Спасибо, что подвезли!

Они попрощались, девушка забралась в телегу и лошадь устало пошла дальше.

- Это наш дом? - спросила Таня глядя на изрешеченные пулями стены и зияющие пустотой окна.

- Да, дочка, это наш дом...

Эля выгреб осколки из дома, застеклил уцелевшими стеклами окна в одной из комнат, они перетасили туда с Таней кровати и пробитый пулями комод.

- Папа, а я только две подушки нашла.

- Ну и бог с ними, с подушками, что-нибудь придумаем, это не главное.

Таня все убрала, вымыла, потом достала из котомки фотографию, где мама с папой совсем молодые, сразу после свадьбы, мама брала ее с собой в Саратов. И, постелив чудом сохранившуюся в комод с салфетку, которую мама вязала когда-то крючком, поставила на комод фотографию.

- Совсем как до войны было, вот только...

Эля, почувствовав комок в горле, молча вышел во двор, сел на то самое поваленное дерево, которое так и не успел распилить на дрова до войны. Ему вдруг вспомнилось, как он, возвращаясь поздними вечерами домой после свиданий с Полиной, тихо открывал окно и прыгал по привычке через подоконник.

«Ну что ты лазишь через окно как пацан!» - отчетливо услышал он голос отца.

Эля, улыбнувшись, устало вытянул затекшие ноги в запыленных фронтовых сапогах.

«Видел бы папа мои сапоги ...»

Отец всегда к началу осени покупал ему новые ботинки. И он, стараясь быть степенным, шел вместе с другими мальчишками в школу. Бабки, облокотясь о заборы, провожали их улыбками, а ему так хотелось зафутболить кусок кизяка, который он только что заприметил, а нельзя: было – бабки отцу расскажут, а потом влетит от него за новые ботинки.

Эля очнулся от воспоминаний.

- Знаешь, Танюшка, - сказал он вернувшись в дом, - я схожу к своим и к маминым. Узнаю как они, скажу, что мы вернулись.

- И мы с тобой, я как раз закончила убирать.

Таня обернулась к сестренке.

- Лидочка, пошли с папой!

- А куда мы идем? - спросила Лидочка протягивая руку старшей сестре.

- К бабушкам и дедушкам, - ответила Таня.

Лидочка вопросительно посмотрела на нее.

- Понимаешь, у всех девочек и мальчиков есть дедушки и бабушки, они их любят, балуют, - говорила она вспоминая, что у бабушки Доры всегда было что-нибудь вкусенькое для нее, особенно она любила морковные оладушки. И как бабушка Циля, усадив ее на колени, когда она еще маленькая была, рассказывала всякие смешные истории, и они весело смеялись.

Они подошли к дому Элиных родителей. Во дворе никого не было, дверь в дом была открыта и медленно раскачивалась на полуоборванных петлях, издавая щемящий душу скрип. Эля молча постоял на пороге дома, в котором родился и вырос.

Задумавшись, шел он к дому Полининых родителей. Из соседней хаты вышла бабка Прасковья.

- Вернулись! Живые! А Полина ж где?

Эля молча вздохнул, бабка Прасковья, вытерев глаза, посмотрела на девочек.

- Какие большие они уже стали!

И, помолчав, тихо сказала:

- А ты в дом не ходи, нету там никого.

- А где они?

- Давай отойдем, Эля.

И бабка Прасковья, вздыхая и вытирая фартуком глаза, начала рассказывать:

- Когда ж началась та оккупация, фашисты согнали в гетто, или шут его знает, как оно там называлось, всех евреев из нашей деревни. Твоих и Полининых тоже забрали, и из соседних деревень позабирали. Ну что тебе сказать, никого не оставили. Мордовали их там, а потом и поубивали всех. Как начали в них стрелять, Симка в обморок, и прямо у ту канаву, что они сами для себя копали, и свалилась, потом, когда все закончилось, очнулась, вылезла. Как рассказывала, вся трясется, плачет. Хорошо, что Яша помер раньше, не видел того горя.

Эля слушал бабку Прасковью опустив голову, только все крепче сжимая пилотку в кулаке. Не мог он простить себе, что не настоял тогда, уехал без них. Так и не простил он себе этого до конца жизни.

Он вышел со двора, Таня, взяв Лиду за руку, молча шла за ним.

Ближе к вечеру к ним пришли Петро с Маланьей.

- Я к вам завтра собирался, мы тут хату целый день прибирали.

- А мне соседка сказала, что видела тебя на подворье, вот мы и пришли, - говорила Маланья ставя на стол чугунок с еще горячей картошкой, три луковицы и немного соли, Петро оставил у двери полведра картошки.

- Ну зачем вы принесли все это? Вам же самим есть нечего!

- Ты поздоровайся сначала, а потом ругайся, - рассмеялся Петро обнимая друга.

Подмигнув Эле, достал бутылку.
 - Еще довоенная, тебя дожидалась!
 - Дядя Петро, тетя Маланья, садитесь!
 Таня ставила на стол тарелки.
 - Извините, только три осталось, остальные битые.
 - Не беда, мы с Петром из одной поедим, - ответила Маланья уже не первый раз глянув на дверь.

- Маланья, не смотри ты по сторонам, нет больше Полины...
 - Да как же это случилось? - сквозь слезы спросила она.
 - От воспаления легких в больнице, - ответил Эля.
 - Да ты что!
 - На заводе холодно было, не топили. Мама долго кашляла, а потом, когда в больницу попала, лекарств не было, чтобы уколы ей делать, - рассказывала Таня совсем как взрослая.
 - Ой, горе ж какое, - сказала Маланья сквозь слезы.
 Петро, молча покачав головой, разлил самогон в две надбитые чашки и Элину фронтовую кружку.

- Давайте выпьем, пусть земля ей будет пухом...
 Выпили не чокаясь.
 - Эля, я хотела тебе сказать...
 И по тому, как она тяжело вздохнула, Эля понял, о чем хотела рассказать Маланья.
 - Я уже знаю, бабка Прасковья мне все рассказала.
 Эля закурил.
 - Ну вы ешьте-ешьте, картошка совсем остынет, - прервала тягостное молчание Маланья.
 Таня позвала Лидочку на кухню.
 - Какая ты большая стала, а нас совсем забыла, - сказала Маланья.
 - Ничего, теперь не забудет, - улыбнулся Петро.
 - Давай садись, - помогая сестренке сесть на стул, говорила Таня.
 Она дала ей в руки картофелину, Лида осторожно откусила.
 - Лидочка, ты же так любила картошку, когда была маленькая! Помнишь, папа?
 - Помню, - улыбнулся Эля.
 Лида медленно жевала, вкус был непривычный, последний раз она ела картошку, когда ей было два года, тогда в лесу после бомбежки, и вкуса той картошки она вспомнить не могла.
 - Ест как конфетку, - грустно сказала Маланья.
 - А что такое конфетка? - спросила Лида слезая со стула.
 - Вот скоро закончится война, будем опять жить хорошо, будут тебе конфетки, - улыбнулся Петро.

- Папа, ты нам купишь много-много конфет, правда? - по-детски мечтательно сказала Таня.
 - Правда, - ответил Эля.
 Было уже поздно, Таня увела Лидочку спать. Вернувшись, тихо прикрыла дверь на кухне и села рядом с папой.

- Как же вы с Лидочкой жили там одни? - спросила Маланья.
 Таня, грустно улыбнувшись, молча пожала плечами.
 - Три года и за маму, и за папу.
 Эля нежно погладил дочку по голове.
 - Ну, папа, - смутилась Таня.
 - Танечка, папа же любя, не обижайся, - улыбнулась Маланья.
 - Я и не обижаюсь.
 Таня придвинулась к папе поближе, Эля, приобняв дочку, продолжал разговор.
 - А как вы тут под оккупантами жили? - спросил он. - Досталось тоже небось?
 - А кому не досталось? - ответил Петро.

Петра на фронт не взяли по состоянию здоровья, а когда уже призывали всех без разбору, Белоруссия была оккупирована, и он ушел в лес к партизанам, Маланья оставалась в деревне, через нее они и узнавали все новости. А когда фашисты стали расправляться с семьями партизан, она тоже ушла с детьми в лес.

И они еще долго сидели и разговаривали про фронт и оккупацию, про эвакуацию, о том, что пришлось испытать им за эти четыре тяжелых года войны.

На следующее утро Таня проснулась в хорошем настроении, потянувшись, улыбнулась - мы дома!, открыла глаза, папы в комнате не было, Лидочка еще сладко спала. Таня вышла во двор, ведро воды стояло у порога, а Эля разговаривал с соседом.

- И чего это Франька бежит к нам? - почесав затылок, сказал сосед.

Франя остановилась возле них.

- Люди добрые, победа! Победа!

И, вытирая фартуком слезы, побежала дальше. Все больше народу выходило на улицу, люди не верили своим ушам, переспрашивали друг друга и, не договариваясь, шли к сельсовету. На площади перед сельсоветом собралась вся деревня.

Из репродуктора, висевшего на столбе, раздался голос Левитана:

«Внимание! Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!

Все разговоры враз смолкли.

- Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков победоносно завершилась!

На мгновение воцарилась тишина, и вдруг люди осознали, что это правда, что эти четыре страшных года закончились. Победа! Все начали обниматься, целоваться. А главный диктор страны продолжал читать победный Сталинский приказ.

- В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва салютует доблестным войскам Красной Армии...

Люди, задрав головы к репродуктору, внимательно слушали. Неожиданно тишину, в которой раздавался только торжественный голос Левитана, пререзал крик:

- Сыночек мой! Что же вы сделали, ироды проклятые! - в голос рыдала тетка Сима, мать Ромки-скрипача.

И вдруг все женщины заголосили разом, почти у каждой из них в верхнем ящике комода лежала недавно полученная, уже после освобождения Белоруссии, похоронка на сына или мужа, а у некоторых и на того, и на другого.

- Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Да здравствуют победоносные Красная Армия и Военно-Морской Флот!» - закончил Левитан, но его уже почти никто не слышал.

Заправив левой рукой пустой правый рукав в карман пиджака, председатель молча смотрел на своих односельчан. Тут дядька Мирон, глянув на него, громко крикнул:

- Бабоньки, ну что ж вы так! Война же кончилась! Победа!

И широко раздвинул меха своей гармони, над деревней полилось «Плавно Амур свои волны несет...»

- Бабоньки, девки, танцуйте же!

Все стояли и слушали как играет Мирон.

- Петрович, Эля, Колька, Мишка, Петро!

Он посмотрел по сторонам – мужиков-то в деревне почти не осталось, ну еще два-три.

- Ну что вы стоите? Эх, мне бы вторую ногу!

Гармонь и культу он привез еще с первой мировой.

Колька-шофер танцевал с молодой Анной. Эля пригласил Таню.

- Папа, я же не умею, - смущаясь, сказала она.

- А ты слушай музыку и смотри как я танцую. Ну вот, у тебя же хорошо получается, - тихо говорил Эля зардевшейся Тане, которая танцевала первый в своей жизни вальс.

- Смотри, как Элька с дочкой танцует, - говорила Маланья мужу кружась в танце.

- Ну Танюха! Скоро отбою от хлопцев не будет, - подмигнул Петро другу, когда они оказались рядом.

Эля довольный рассмеялся.

- Ой, папа, голова закружилась!

- Это с непривычки, ты постой, сейчас пройдет, - приобняв дочку за плечи, улыбнулся Эля.

- Ну как, уже лучше?

Она кивнула головой.

- Тань, ты с Лидочкой потанцуй пока, а я тетю Симу приглашу. Хорошо?

- Хорошо, папа.

- Сима, идем потанцуем, - сказал Эля обернувшись к Симе, которая стояла рядом.

Она, тяжело вздохнув, безнадежно махнула рукой.

- Так я уже и забыла, когда последний раз танцевала, еще Яша живой был, - сказала Сима смахнув слезу.

- Идем-идем, наплакаться еще успеешь, праздник же сегодня, - говорил Эля выводя ее в круг.

- Вот и мой Рома мог играть сегодня на своей скрипке, - сказала она положив руку на Элино плечо.

- Мог, Сима, мог...

- А помнишь, как Рома с Мироном играли на свадьбах?

- Конечно, помню, - сказал Эля вспомнив, как они любили с Полиной танцевать. Никто и не заметил, что Мирон играл уже по второму разу Амурские волны. Он сыграл последний аккорд, музыка смолкла. Эля подошел к Мирону.

- Сыграй Ромкину любимую!

- «Ле хаим», что ли?

Эля молча кивнул головой, и Мирон начал играть. Мишка, которого в деревне всегда звали Мишка-танцор, вышел в круг. Он выкидывал коленца одной правой ногой и широко улыбался, круг постепенно заполнялся.

Мишка стал рядом с Мироном.

- Болит? - спросил он продолжая играть и посмотрел на Мишкину ногу.

- Играй, играй, Мирон, - сказал Мишка, подмигнув ему, и запел:

«Давайте будем жить как ни было бы трудно, и радоваться жизни будем без конца!»

Уже не было круга, потому что танцевали все и в глазах людей появился живой блеск.

«Ле хаим, ле хаим друг другу пожелаем! Дай бог нам всем здоровья, счастья и добра!»

И словно не было этих страшных лет войны, а все было как тогда, когда праздники и свадьбы праздновали всей деревней, когда польку сменял гопак, а потом семь сорок, казачок и вальс.

К Эле подошел председатель.

- С возвращением, Эля!

- Здравствуй, Никанорыч!

- Давно приехали?

- Так вчера еще.

- Ну, зашли бы с Полиной как-нибудь.

- Нету Полины... померла она еще в сорок втором...

- Извини, Эля...

Эля молча покачал головой.

- Зайдем ко мне, если хочешь, посидим, поговорим, - прервал молчание председатель.

- Конечно, я только детям скажу.

Эля, поискав глазами Таню, подошел к ней.

- Вы побудьте здесь еще немного, а потом идите с Лидочкой домой, я к Никанорычу зайду, сама понимаешь.

- Понимаю, папа.

- Ну ты и понятливая у меня, - сказал Эля потрепав дочку по голове.

- Папа, я же уже большая!

- Ну извини, - улыбнулся Эля. - Я скоро буду.

Эля догнал председателя уже у самого его дома.

- Вот и пришли, садись, - говорил Никанорыч ставя на стол бутылку, две кружки, соль в блюдечке, на газету положил хлеб.

- Давай за Победу выпьем, за мертвых и живых, - сказал Никанорыч налив самогон в кружки.

Не договариваясь выпили стоя.

- Ты закусывай, - отломав кусок хлеба, подвинул остальной на середину стола, - бери, вот соседи принесли, подкармливают бобыля.

- Да не беспокойся, Никанорыч.

Эля обмакнул кусочек хлеба в соль.

- Ты руку-то где потерял?

- Да в июле в прошлом году, когда Минск освобождали.

- А, так ты все таки на фронт попал?

- Попал! На следующий день, как мои уехали, ну тогда с тобой, приехал из района капитан и началась мобилизация, мужиков в деревне почти не осталось. Я в райком, в военкомат - отпустите на фронт, какой колхоз, к чертовой матери, немцы совсем близко! Еле отпустили.

Никанорыч закурил.

- Потом, после госпиталя домой вот вернулся, опять председателем назначили. А кто в колхозе работать будет? В деревне одни бабы, старики да дети. Вот ты вернулся, Мишка, Колька-шофер, Юзик твой вернется, может еще кто, кого не убили.

Никанорыч замолчал, задумался, Эля тоже думал, не знал, как начать разговор об Анюте. Председатель сам спросил:

- Эля, чего молчишь про Анюту? Расскажи, что с ней, почему письма не писала, или может... Говори!

Эля вспомнил, как искал жену председателя. Ну не мог рассказать он про навеки застывшее, искаженное болью и ужасом лицо Анюты. И про дочку, которая ища защиты, прижалась к маме, крепко обхватив рученками ее за шею. И про сына, семья его, который так стремясь к жизни, на самом ее пороге встретил смерть.

- Ночью мы под бомбежку попали, - начал рассказывать Эля охрипшим голосом, - когда я на рассвете нашел их, поздно уже было...

Никанорыч дрожащей рукой закурил. Надежда, теплившаяся в глубине души, рухнула куда-то вниз, в темную пустоту. Они сидели в полной тишине, каждый со своей непоправимой болью.

- Давай выпьем, Эля, ничего не говори, просто выпьем...

7

Где-то в начале июля вернулся Юзик, повзрослевший и возмужавший.

- Эй, солдатик, зашел бы, помог бы забор исправить или чего еще! Молодухи глядели долгим взглядом на проходившего мимо Юзика.

- Повезло, сразу два мужика в доме, - мечтательно говорила одна соседка другой облокотившись о забор, - а тут ни одного.

- Кому повезло? Бабы-то в доме нет...

Женщины, что постарше, смотрели на Юзика с Элей каким-то тяжелым, даже осуждающим взглядом, и опять Эля испытывал чувство вины перед ними за то, что живой, за то, что вернулся. А они шли домой и горько плакали над похоронками.

Через пару дней Юзик пошел в сельсовет.

- Никанорыч, я трактористом хочу! Можно?

- Конечно, можно, нам тракторист нужен, но, - Никанорыч улыбнулся, - но есть одно «но» - его отремонтировать сначала нужно. Сможешь?

- Попробую, - ответил Юзик.

- Ну вот отремонтируешь и будешь трактористом!

На следующее утро Юзик проснулся рано.

- Ты куда собрался? - спросил Эля сына.

- Трактор ремонтировать, - ответил Юзик уже выходя из дома.

Вечером, Таня мыла посуду после ужина, Лидочка играла с куклой, Эля сидел за столом один о чем-то думая.

- Ты уходишь? - спросил он Юзика направлявшегося к двери.

- Так я к хлопцам.

- Ну да, - улыбнулся Эля, - да успеешь ты на свиданку, садись, поговорить надо!

Юзик сел за стол напротив отца.

- Таня, иди сюда, посуду потом домоешь.

Таня, вытирая на ходу руки фартуком, села рядом с Юзиком.

- Я вам вот что хотел сказать, - говорил Эля, с гордостью глядя на детей, - я хочу, чтобы вы учились в большом городе, стали инженерами или... ну, в общем, кем захотите!

Глаза у Тани радостно заблестели, у нее у самой мелькала иногда такая мысль, но одной уезжать было страшновато, да и папу с маленькой Лидочкой она оставить не могла. Юзик к папиной идее отнесся более сдержанно.

- Я же обещал отремонтировать трактор.

- Раз дал слово - сдержи, вот отремонтируешь и поедем.

Как-то вечером, через пару дней после этого разговора, к ним зашел председатель, посидели, поговорили о том, о сем.

- Мужиков в деревне совсем нет, что делать, не знаю.

Никанорыч задумался, Эля молча достал кисет.

- Вот Юзик трактористом хочет быть, - продолжал председатель, - трактор взялся отремонтировать.

- Должен отремонтировать, раз взялся, - сказал Эля закуривая.

- Так оно так, но, может, не надо, - с надеждой в голосе сказал председатель, посмотрев на Элю, - ну, уезжать не надо.

Эля слушал его не перебивая, он понимал председателя очень хорошо, но была у Эли мечта. Еще во время войны, сидя в окопе между боями, он думал, что когда война закончится и придет победа, а он верил в это, они с Полиной отправят детей учиться в город.

Юзик отремонтировал трактор, и в августе они уехали в небольшой городок под Ленинградом. Юзик поступил в институт как фронтовик, Таня, живя с папой и Лидочкой в городке, закончила вечернюю школу и тоже уехала учиться в Ленинград.

Где-то в начале пятидесятых, Таня с Элей решили поехать в Саратов.

- Что-то тревожно у меня на сердце, - говорила Таня папе, когда они уже шли от вокзала к трамваю, - тетя Дуся так и не ответила на мое последнее письмо. Только бы с ней ничего не случилось.

Таня поднималась по знакомой лестнице, коленки у нее дрожали.

«Боже, неужели все это было на самом деле? Было!»

Она нажала на кнопку звонка, двери открыла Майка.

- О, это ты? Какими судьбами?

- Нам к тете Дусе, - сказала Таня и хотела пройти.

- Нету ее!

Майка стояла на пороге не двигаясь.

- Мы ее подождем, - услышала она Элин голос и немного стушевалась.

- Да померла она в прошлом месяце, - сказала Майка и закрыла дверь.

«Ну почему этот город приносит мне столько боли до сих пор?» - думала Таня медленно идя по улице.

Они пошли на кладбище, набрали пакет земли с Полининой могилы. Нашли и могилу тети Дуси.

- Простите меня, тетя Дуся, - тихо сказала Таня низко опустив голову.

В тот же день уехали обратно. Таня стояла у открытого окна вагона, поезд, набирая скорость, мчался все быстрее. И она понимала, что никогда больше уже не вернется сюда.

8

В последнее время Эля заметно сдал, немного почитает, подумает и вздремнет. Иногда сидел он во дворе, смотрел на свой дом, сад, о чем-то думал, и если кто-нибудь замечал в этот момент скатившуюся по его щеке слезу, говорил:

- Вы же знаете, в старости глаза всегда слезятся.

И, тяжело вздыхая, шел в свою комнату.

Все чаще, когда Соня напоминала ему, что сегодня суббота, он говорил, что знает и закрывал глаза, тогда она выходила на улицу и садилась на скамейку возле калитки.

- Извините, но рабаи сегодня себя плохо чувствуют, - говорила она всем, кто шел к нему и, сокрушенно качая головой, подробно отвечала на расспросы.

- Может, он к следующей субботе будет себя лучше чувствовать, - говорили они с надеждой в голосе.

Таня часто забегала к отцу с работы, во время своего перерыва. Как-то зашла, дверь в дом была открыта настежь.

- Папа, я тебе подушечек к чаю принесла, - сказала Таня заходя на кухню. - Папа, ты где? Никто не ответил.

- Тетя Соня!

- Здравствуй, Таня, - сказала тетя Соня заходя в дом, - я в булочной была.

- А где папа? Что-то он не откликается.

- Да спит, наверное. Ты к нему в комнату ходила?

- Нет, я только что пришла, - ответила Таня и, вынув кулек из сумки, пошла к отцу в комнату.

- Тетя Соня, его там нет, - сказала она испуганным голосом.

На скамейке, где он обычно любил сидеть, его тоже не было. Сама не зная почему, она побежала за дом. Отец стоял у сарая, опершись о козлы для пилки дров и медленно сползал вниз.

- Папа, что с тобой, тебе плохо? - поддерживая его, Таня подставляла плечо, чтобы он оперся. - Тетя Соня, помогите мне!

- Господи, что с ним, - подхватывая Элю с другой стороны, причитала Соня.

Наконец добравшись до двери дома, они хотели отвести Элю в его комнату.

- Оставьте меня здесь, на кухне, - едва слышно попросил он.

- Тетя Соня, несите постель, я подержу его.

Быстро постелив, они уложили Элю.

- Тетя Соня, надо звонить в скорую, - говорила Таня поправляя подушку.

- Ты лучше беги туда, скорее будет.

- Да-да, правильно, я мигом!

Скорая была на этой же улице, через два квартала.

- Слава богу, они на месте, - облегченно вздохнула Таня увидев во дворе машину скорой помощи. Открыв двери, она крикнула срывающимся голосом:

- Тут кто-нибудь есть?

- Да, проходите, - ответила врач.

Она стояла на свежeweымытом полу посреди комнаты с ведром и тряпкой в руках.

- Вера Сергеевна, папе плохо!

- Одну секунду, только руки вымою, - ответила Вера Сергеевна и, вытерев руки, схватила саквояж и халат. - Идем, Таня!

Они прошли мимо безмятежно спящего на диване шофера.

- Что с папой?

- Думаю, сердце.

Они быстро шли по улице.

- Как он? - спросила Таня тетю Соню, когда они вошли в дом.

Та только молча вздохнула. Эля тяжело дышал, Вера Сергеевна, осмотрев его, сделала укол.

- Звоните, если хуже будет, но вообще, он будет спать после укола.

Таня с тетей Соней сидели за столом и тихо разговаривали.

- Детка, давай я тебя накормлю, ты же целый день ничего не ела.

- Спасибо, тетя Соня, у меня аппетита совсем нет.

- Я понимаю.

Она замолчала, задумалась.

- Я вот что думаю, Танечка, наверное, нужно позвонить в Ленинград Юзику и Лидочке, пока они еще на работе, пусть приедут.

- Позвоните Вы, тетя Соня, я не могу!

- Хорошо, детка.

- У Вас двушки есть?

- Есть, Танечка, - вздохнула она и направилась к двери. - Я и Диме твоему позвоню.

- Спасибо, только скажите моим, чтобы они где-то через часа полтора пришли.

Тетя Соня молча кивнула и пошла звонить. Эля спал, дыхание его стало ровнее. Таня молча подошла к отцу.

Полными слез глазами она смотрела на него, враз постаревшего, с болезненно заостренными чертами лица.

«Папа, папка, ты же мне обещал! Помнишь, тогда, у мамы на могиле?»

Эля проснулся, приоткрыл глаза. Вся семья – дети, внуки, зятя и невестка сидели тут же на кухне за столом.

«А тот мужик говорил тогда зачем мне такая большая кухня... А вот собралась вся семья и всем места хватает... А почему они собрались?... Вроде праздника никакого нет и дня рождения тоже...

До него, как издалека, доносились негромкие голоса. Юзик что-то рассказывал Диме и Лидиному мужу.

- Юзик... сын мой... если бы ты знал, как я горжусь тобой... ты был еще совсем мальчишкой, а уже на фронт пошел... потом выучился, как мы с мамой мечтали... еще совсем молодой, а уже начальником работаешь... а это Танечка Лиде что-то отвечает... сколько ж тебе пришлось, доченька моя, хлебнуть в войну, когда мама умерла... а сама-то совсем девочкой еще была... Лидочка... маленькая моя... ну сколько раз я тебе говорил – не перечь ты все время старшей сестре... да... баловали мы тебя... баловали... жалели, что без мамы так рано осталась...

Дети мои дорогие... любите друг друга... радуйтесь жизни... растите своих детей... внуков моих...

И тебе, Сонечка, спасибо за то, что приняла моих детей как родных...

Эля закрыл глаза.

- Как же так вышло? Такую долгую жизнь прожил, и так быстро все прошло...»

Дыхание его стало опять прерывистым.

- Скорую, скорую вызывайте!

Эля пошевелил рукой, мол, не надо, не беспокойтесь, обвел всех прощальным взглядом и опять закрыл глаза.

- Полюшка, теперь я к тебе...»

Послесловие

В начале девяностых Элина семья уехала, тогда многие уезжали – на свою историческую родину или за океан.

В Элином доме жили теперь другие люди. Кто-то из Элиных внуков, побывав в Ленинграде, который теперь опять переименовали в Санкт-Петербург, рассказывл, что дом снесли, на его месте построили заводскую пятиэтажку, сад вырубил и оборудовали там детскую площадку.